ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ

Александр ДЮМА

КОРОЛЕВА МАРГО
ГРАФИНЯ ДЕ МОНСОРО
СОРОК ПЯТЬ

ТРИЛОГИЯ О ГЕНРИХЕ НАВАРРСКОМ

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2011

УДК 839.5-8(Фр)
ББК 82.3(3)
Д96

Серия основана в 2007 году

ALEXANDRE DUMAS

La Reine Margos
La Lame de Monsoreau
Les Quarante-Cinq

Перевод с французского
Е. Ф. Корша, Н. Бутыриной и В. Столбова,
Н. Рыковой и А. Кулишер

Дюма А.
Д96 Трилогия о Генрихе Наваррском: Королева Марго; Графиня де Монсоро; Сорок пять / Пер. с фр.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 1279 с.: ил. — (Полное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-0331-8

Александр Дюма (1802 — 1870) был и остается одним из самых популярных французских писателей во всем мире. Он из тех писателей, книги которых целые поколения начинают читать с детства и перечитывают до самой старости. В своих лучших произведениях Дюма остается великолепным, увлекательным рассказчиком, мастером интриги и композиции, создателем навсегда запоминающихся героических характеров. К таким произведениям относится и трилогия о Генрихе Наваррском: «Королева Марго», «Графиня де Монсоро», «Сорок пять» — сюжетная линия которой объединена историей борьбы Генриха Наваррского за французский престол.

Трилогия впервые издана на русском языке в одном томе.

УДК 839.5-8(Фр)
ББК 82.3(3)

ISBN 978-5-9922-0331-8

© Перевод Е. Ф. Корша, наследники, 2009
© Перевод Н. Бутыриной и В. Столбова, наследники, 2009
© Перевод Н. Рыковой, наследники, 2009
© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2009

КОРОЛЕВА МАРГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК ГЕРЦОГА ГИЗА

Восемнадцатого августа 1572 года был понедельник, но в Лувре справляли большое празднество.

Ярко светились обычно темные окна старинного королевского жилища, а соседние улицы и площади, как правило пустевшие, едва лишь колокол на церкви Сен-Жермен-Л'Озеруа бил девять часов вечера, кишели теперь народом даже в полночь.

Густая, грозная, шумливая толпа напоминала темное зыблющееся море, откуда несся рокот набегавшего прибоя; людские волны, прорываясь сквозь улицу Фосе-Сен-Жермен и улицу Астрюс, заливали набережную, приливали к стенам Лувра и отливали к цоколю Бурбонского дворца, стоявшего напротив.

Несмотря на королевский праздник, а может быть, и по его причине, что-то грозное чувствовалось в толпе народа, который присутствовал на нем как посторонний зритель, но твердо верил, что этот праздник — лишь пролог к другому, отложенному на неделю торжеству, где сам народ будет желанным гостем и разгуляется вовсю.

Королевский двор праздновал свадьбу Маргариты Валуа, дочери покойного короля Генриха II и сестры царствующего короля Карла IX, с Генрихом Бурбоном, королем Наваррским. Утром кардинал Бурбонский, совершив брачный обряд, установленный для наследниц французского Царствующего дома, обвенчал брачующихся на помосте, воздвигнутом перед вратами собора Парижской Богоматери.

Этот брак изумил всех, а людей, способных видеть глубже, заставил сильно призадуматься; сближение двух таких ненавистных друг другу партий, какими были в это время протестантская и католическая партии, казалось невозможным. Спрашивалось, как может молодой принц Конде простить брату короля, герцогу Анжуйскому, смерть своего отца, убитого в Жарнаке капитаном Монтескью, или как молодой герцог Гиз простит адмиралу Колиньи смерть своего отца, убитого в Орлеане дворянином-гугенотом Польтро де Мере. Больше того: королева Жанна Наваррская, мужественная супруга безвольного Антуана Наваррского, сосватавшая своего сына за Маргариту Валуа, умерла каких-нибудь два месяца тому назад, и о причине ее внезапной смерти ходили подозрительные слухи. Повсюду говорили шепотом, а кое-где и громко о том, что королеве Жанне стала известна какая-то страшная тайна и что Екатерина Медичи, боясь разоблачений, отравила королеву Жанну ядовитыми душистыми перчатками, которые ей изготовил некий флорентиец по имени Рене, большой мастер на дела такого рода. Распространению и утверждению всех этих слухов способствовало то обстоятельство, что после смерти королевы двум медикам, в том числе и знаменитому Амбруазу Паре, было поручено, по просьбе ее сына, вскрыть и обследовать тело королевы, но не касаться мозга. А так как Жанна была отравлена посредством запаха, то лишь в мозгу умершей

могли быть обнаружены следы содеянного преступления. Именно преступления, поскольку никто не сомневался, что здесь имело место злодеяние.

Но это далеко не все: сам король Карл неуклонно, почти настойчиво, стремился устроить этот брак, который должен был не только установить мир в королевстве, но и привлечь в Париж всех видных протестантских главарей. Так как жених был протестант, а невеста католичка, то требовалось испросить разрешение на брак у Григория XIII, в то время занимавшего папский престол. Разрешение задерживалось, и это сильно беспокоило Жанну д'Альбре, которая однажды в разговоре с Карлом выразила опасение насчет того, что разрешение, пожалуй, не придет совсем; но король ответил:

— Милая тетушка, не беспокойтесь, вас я уважаю более, чем папу, а сестру люблю больше, чем боюсь его. Я не гугенот, но и не дурак, и если господин папа задурит, то я сам возьму за руку Марго и поведу ее венчаться с вашим сыном по протестантскому обряду.

Из Лувра эти слова разнеслись по городу, очень обрадовали гугенотов, сильно озадачили католиков и вызвали среди последних тайные разговоры о том, изменяет ли им король на самом деле или разыгрывает комедию, которая в один прекрасный день или прекрасную ночь закончится неожиданной развязкой.

Что было особенно непостижимо — это отношение Карла IX к адмиралу Колиньи, который в течение пяти или шести лет вел ожесточенную войну против короля: до этого сближения король назначил пятьдесят тысяч экю золотом в награду за голову адмирала, теперь же чуть не клялся его именем, называл своим *отцом* и во всеуслышание заявлял, что только одному ему поручит ведение предстоящей войны во Фландрии; даже сама Екатерина Медичи, до сих пор направлявшая волю, действия, даже намерения молодого короля, начала тревожиться по-настоящему, и не без причины: дело в том, что Карл IX как-то в беседе с адмиралом о Фландрской войне заявил ему в порыве откровенности:

— Отец, тут есть одно обстоятельство, которое требует большой осторожности: как вам известно, королева-мать сует свой нос во все, но об этом деле пока не знает ничего; поэтому нам надо будет вести его скрытно — так, чтобы королева о нем даже и не подозревала, а то с ее сварливостью она нам все испортит.

Колиньи, при всем своем уме и опытности, все же не мог скрыть полностью оказанное ему королем доверие. В Париж он прибыл с крайней подозрительностью, да и когда выезжал из Шатийона, одна крестьянка молила его на коленях: «О добрый господин наш, не езди ты в Париж; и тебя и всех, кто поедет с тобой, ждет там смерть!» Но мало-помалу все подозрения рассеялись и у него, и у его зятя де Телиньи, к которому король проявлял самые дружеские чувства, звал его *братом,* как звал отцом адмирала, говорил ему «*ты»,* чем отличал он только самых близких своих друзей.

В результате все гугеноты, за исключением нескольких угрюмых и недоверчивых людей, совершенно успокоились: смерть наваррской королевы стали приписывать воспалению легких, и в просторных залах Лувра толпились мужественные гугеноты, которым брак Генриха, их юного вождя, сулил нежданно счастливый поворот судьбы. Адмирал Колиньи, Ларошфуко, принц Конде-сын, де Телиньи — словом, все главари партии торжествовали, видя, как были приняты, какой огромный вес приобретали в Лувре те самые люди, которых три месяца назад король и Екатерина Медичи собирались вешать на особых виселицах, повыше, чем простых убийц. Одного только маршала де Монморанси напрасно стали бы искать среди его собратий — его нельзя было ни заманить обещаниями, ни обмануть показными чувствами, и он засел у себя в замке д'Иль-Адан, извиняя свое отшельничество скорбью об отце, коннетабле Анн де Монморанси, которого убил из пистолета Роберт Стюарт в сражении при Сен-Дени. Но так как со времени этого события прошло более трех лет, а чувствительность была не в духе того времени, то каждый мог думать по поводу такого чрезмерно продолжительного траура что угодно.

К тому же все говорило против маршала де Монморанси: и королева, и король,

и герцог Анжуйский, и герцог Алансонский — все замечательно радушно принимали своих гостей на этом королевском празднестве.

Сами гугеноты хвалили герцога Анжуйского, вполне заслуженно, за битвы при Жарнаке и Монконтуре, которые он выиграл, имея от роду неполных восемнадцать лет, — раньше, чем начали свои победы Цезарь и Александр Македонский, да и вообще оказывалось, что он выше этих победителей при Иссе и Фарсале. Герцог Алансонский посматривал на все взглядом ласковым и лживым; королева Екатерина сияла радостью и с приторной любезностью поздравляла Генриха Конде с недавнею его женитьбой на Марии Клевской; даже Гизы улыбались страшным врагам их рода, и герцог Майнцский обсуждал с Таваном и адмиралом Колиньи предстоящую войну, которую были готовы объявить Филиппу II, королю Испанскому.

Среди гостей, разбившихся на группы, бродил, слегка потупив голову и вслушиваясь в разговоры, происходившие вокруг, юный брюнет лет девятнадцати, с умным взглядом, лукавою улыбкой, с орлиным носом, коротко подстриженными волосами, густыми бровями, едва пробившимися усиками и бородой. Этот молодой человек, успевший отличиться пока лишь в битве при Арне-ле-Дюк, где храбро дрался, не щадя себя, а теперь принимавший поздравления со всех сторон, был любимый ученик адмирала Колиньи и герой сегодняшнего дня; совсем недавно, при жизни своей матери, он звался принц Беарнский, а после ее смерти наследовал титул — король Наваррский, пока не стал королем Франции — Генрихом IV.

Временами темное облачко вдруг омрачало его лоб: очевидно, он вспоминал смерть матери, умершей каких-нибудь два месяца тому назад, и был уверен больше всех в том, что смерть ее последовала от отравы. Но это облачко лишь проносилось легкой тенью, быстро расплывалось; оно набегало оттого, что люди, которые сейчас толпились около Генриха, заговаривали с ним и поздравляли, все были убийцами мужественной Жанны д'Альбре.

В то время как король Наваррский старался притвориться радушным и веселым, неподалеку от него стоял задумчивый, почти тревожный, молодой герцог Гиз и вел беседу с Телиньи. Герцогу повезло в жизни больше, нежели Беарнцу: в двадцать два года он пользовался почти такой же славой, как и отец его, могущественный Франсуа де Гиз. Он и по внешности был изящный вельможа, высокий ростом, с надменным, гордым взглядом, с такой природной величавостью, что, по мнению многих, все прочие вельможи в его присутствии казались мужиками. Несмотря на его молодость, вся католическая партия видела в нем своего вождя, так же как протестантская партия видела своего вождя в юном короле Наваррском.

Первоначально герцог Гиз носил титул герцога Жуанвильского и первое боевое крещение получил во время осады Орлеана под начальством своего отца, который и умер на его руках, указав на адмирала Колиньи как на своего убийцу.

Тогда же юный герцог, подобно Аннибалу, торжественно дал клятву: он клялся отомстить и адмиралу, и всей его семье за смерть отца, безжалостно и неусыпно преследовать врагов своей религии, обещал Богу стать его ангелом-воителем на земле до того дня, пока не будет истреблен последний еретик. Теперь же все с великим изумлением смотрели, как этот принц, обычно верный данному им слову, пожимает руки навек заклятым врагам своим и, дав умирающему отцу обет наказать адмирала смертью, теперь приятельски ведет беседу с его зятем.

Но мы уже сказали, что это был вечер, полный неожиданностей.

Действительно, если бы особо одаренный наблюдатель, способный видеть будущее, что людям, к счастью, не дано, и способный читать в душах, что, к несчастью, дано лишь Богу, вдруг очутился на этом торжестве, то он, конечно, насладился бы самым любопытным зрелищем, какое только может нам представить вся летопись печальной человеческой комедии.

Но если такого наблюдателя не оказалось на галереях Лувра, зато он был на улице, где грозно раздавался его ропот и гневом искрились его глаза: то был народ, с его инстинктом, предельно обостренным ненавистью; он издали глядел на силуэты непримиримых врагов своих и толковал их чувства так же простодушно,

как это делает прохожий, глазея в запертые окна зала, где танцуют. Музыка увлекает и ведет танцоров, а прохожий видит одни движения и, не слыша музыки, потешается над тем, как эти марионетки скачут и суетятся без видимой причины.

Музыкой, увлекавшей гугенотов, был голос их удовлетворенной гордости, а взоры парижан, сверкавшие во мраке ночи, были молниями ненависти, озарявшими грядущие события.

Во дворце же все было радостно по-прежнему и даже больше; по всему Лувру пронесся особенно ласкающий и мягкий говор, сопровождавший появление новобрачной: сняв подвенечный наряд, длинную вуаль и мантию, она входила в зал вместе с герцогиней Невэрской, самой близкой ее подругой, и с братом, Карлом IX, который вел ее за руку и представлял наиболее почетным из гостей.

Эта новобрачная — дочь Генриха II, Маргарита Валуа — была жемчужиной в короне Франции, и Карл IX, питавший к ней особенную нежность, обычно звал ее «сестричкою Марго».

Восторженная встреча была действительно заслужена юной наваррской королевой. Маргарите исполнилось едва лишь двадцать лет, но все поэты писали ей хвалебные стихи, сравнивая ее то с Авророй, то с Киферой. По красоте ей не было соперниц даже здесь, при таком дворе, где Екатерина Медичи старалась подбирать на роль своих сирен самых красивых женщин, каких только могла она найти. Черноволосая, с замечательным цветом лица, чувственным выражением глаз, обрамленных длинными ресницами, с изящным алым ртом и стройной шеей, с роскошным гибким станом и с маленькими, детскими ногами в атласных туфельках — такой предстала Маргарита Валуа. Французы гордились тем, что их родная почва взрастила этот удивительный цветок, а иностранцы, побывав во Франции, возвращались к себе на родину ослепленные красою Маргариты, если им приходилось только повидать ее, и пораженные ее образованием, если им удавалось с ней поговорить. И в самом деле, Маргарита была не только самой красивой, но и самой образованной из современных женщин; вот почему нередко вспоминали фразу одного итальянского ученого, который был ей представлен, беседовал с ней целый час по-итальянски, по-испански, по-гречески и по-латыни и, выйдя от нее, восторженно сказал: «Побывать при дворе, не повидав Маргариту Валуа, значит не увидать ни Франции, ни французского двора».

Не было недостатка в похвалах и самому королю Карлу IX — известно, какими искусными ораторами были гугеноты. В эти речи ловко вплетались и намеки на прошедшее, и пожелания на будущее. Но Карл IX с хитрою улыбкой бледных губ давал на все подобные намеки один ответ:

— Отдавая Генриху Наваррскому мою сестру, я отдаю в ее лице и свое сердце всем гугенотам моего королевства.

Такой ответ на некоторых действовал успокоительно, у других он вызывал улыбку, допуская двусмысленное толкование: одно — как отеческое отношение короля ко всему народу, но Карл IX сознательно не собирался придавать своей мысли такую широту; другое толкование — обидное для новобрачной, для ее мужа, да и для самого Карла, поскольку его слова невольно вызывали в памяти глухие сплетни, которыми дворцовая хроника успела еще раньше испачкать брачные одежды Маргариты Валуа.

Как мы уже сказали, герцог Гиз беседовал с де Телиньи, но уделял беседе не все свое внимание: время от времени он оборачивался и кидал взгляд на группу дам, в центре которой блистала Маргарита Валуа. И всякий раз, когда взгляд наваррской королевы встречался с взглядом молодого герцога, тень набегала на ее красивый лоб, обрамленный, как ореолом, трепетным сверканием алмазных звезд, и во всей ее манере держать себя, выражавшей нетерпение и беспокойство, проглядывало желание что-то предпринять.

Старшая сестра ее, принцесса Клод, недавно вышедшая замуж за герцога Лотарингского, заметила тревожное настроение сестры и стала продвигаться к ней, чтобы узнать его причину, но в это время все гости расступились, давая дорогу королеве-матери, входившей под руку с молодым принцем Конде, и оттеснили прин-

цессу Клод далеко от ее сестры. Герцог Гиз воспользовался общим движением толпы, чтобы подойти поближе к герцогине Невэрской, своей невестке, а вместе с тем и к Маргарите. В ту же минуту герцогиня Лотарингская, не терявшая из виду своей сестры, заметила, как тень тревоги на ее челе сразу исчезла, а щеки ярко вспыхнули румянцем. Когда же герцог, все ближе продвигаясь сквозь толпу, наконец оказался в двух шагах от Маргариты, она, еще не видя этого, почувствовала его близость и, сильным напряжением воли придав своему лицу выражение беспечного спокойствия, повернулась к герцогу.

Герцог почтительно приветствовал ее и, низко кланяясь, тихо сказал ей по-латыни:

— Ipse attuli, — что означало: «Я принес», или: «Я сам принес».

Маргарита сделала реверанс и, выпрямляясь, ответила тоже по-латыни:

— Noctu pro more, — что означало: «Этой ночью, как всегда».

Эти милые слова, подхваченные ее плотным, очень широким и тугим воротником, как воронкой рупора, не были услышаны никем, кроме того, кому они предназначались. Но, несмотря на краткость разговора, все важное для них обоих было сказано, судя по тому, что, обменявшись этими словами, они расстались — Маргарита с мечтательным выражением лица, а герцог более веселый, чем до встречи. Но тот, кому бы следовало заинтересоваться происходившей сценой больше всех, то есть король Наваррский, не обратил на нее ни малейшего внимания, — глаза его в то время не видели уже ничего, кроме одной женщины, собравшей вокруг себя почти такой же многочисленный кружок, как и Маргарита Валуа, — эта женщина была красавица мадам де Сов.

Шарлотта де Бон-Санблансе, внучка несчастного Санблансе и жена Симона де Физ, барона де Сов, была придворной дамой Екатерины Медичи и самой опасной ее помощницей в тех случаях, когда Екатерина, не решаясь опоить врага флорентийским ядом, старалась опьянить его любовью: блондинка небольшого роста, то искрившаяся жизнью, то грустно томная, но всегда готовая к интриге и любви, двум основным занятиям придворной жизни при трех французских королях, сменившихся на троне за пятьдесят последних лет, — мадам де Сов была женщина в полном смысле слова, во всем обаянии этого создания природы, начиная с синих глаз, порой томных, порой блиставших внутренним огнем, до кончика ее игривых точеных ножек, обутых в бархатные туфли. Всего за несколько последних месяцев она успела овладеть всем существом короля Наваррского, едва вступившего на путь политики и любовных приключений; от этого и Маргарита Валуа с ее роскошной, царственной красой не вызывала даже простого восхищения в своем супруге. Одно обстоятельство поражало всех — поведение королевы-матери, странное даже для такой темной, таинственной души, как Екатерина Медичи: дело в том, что королева-мать, неуклонно проводя план брачного союза между своей дочерью и королем Наваррским, в то же время почти открыто поощряла его любовь к мадам де Сов; однако, несмотря на эту сильную поддержку и вопреки свободным нравам той эпохи, красавица Шарлотта покамест не сдавалась, и это неслыханное, непостижимое сопротивление больше, чем ум и красота упрямицы, возбудило в сердце пылкого Беарнца такую страсть, которая, не находя себе удовлетворения, вся ушла внутрь, изгнав из юной души Генриха застенчивость и гордость и даже главную черту его характера — беспечность, основанную частью на его мировоззрении, частью же на лени.

Мадам де Сов явилась в бальный зал лишь несколько минут тому назад; с досады или с огорчения, но, как бы то ни было, первоначально она решила не присутствовать при торжестве своей соперницы и под предлогом нездоровья отправила в Лувр мужа, занимавшего пост государственного секретаря уже пять лет, одного. Но Екатерина Медичи, заметив, что барон де Сов вошел один, спросила у него, почему отсутствует ее любимица; узнав, что причина — всего лишь легкое недомогание, она написала мадам де Сов записку с предложением явиться, и баронесса поспешила исполнить ее требование. Генрих Наваррский, сначала очень огорченный отсутствием мадам де Сов, все же почувствовал себя свободнее, когда заметил

одиноко входившего барона; не ожидая ее встретить, Беарнец с грустным вздохом уже собрался подойти к той милой женщине, которую он обязался если не любить, то почитать своей женой, как вдруг увидел в дальнем конце одной из галерей мадам де Сов, — он замер на месте, не спуская глаз с этой Цирцеи, приковавшей его к себе волшебной цепью, и, после некоторого колебания, вызванного скорее неожиданностью, чем осторожностью, пошел навстречу баронессе.

Придворные видели, что король Наваррский идет к красавице Шарлотте, и, зная, как пылко его сердце, любезно удалились, чтоб не мешать их встрече; случилось так, что Генрих подошел к мадам де Сов в то время, когда Маргарита Валуа и герцог Гиз обменивались уже известными читателю латинскими словами, тогда же и Генрих Наваррский, подойдя к мадам де Сов, завел с ней разговор, но на французском языке, вполне понятном, несмотря на примесь гасконского акцента, — разговор, во всяком случае, гораздо менее таинственный, чем первый.

— А-а! Милочка моя! — сказал он ей. — Вы здесь, оказывается, а мне сейчас сказали, будто вы больны, и я уже терял надежду вас увидеть!

— Ваше величество, не думаете ли убедить меня, что потеря этой надежды стоила вам дорого?

— Святой боже! Ну, конечно! Разве вы не знаете, что днем вы мое солнце, а ночью — моя звезда? Честное слово, я чувствовал себя в потемках, но вот явились вы и сразу озарили все.

— В таком случае, ваше величество, я играю с вами злую шутку.

— Но почему же, милочка моя?

— Вполне понятно: когда имеешь власть над женщиной, самой красивой во всей Франции, можно желать только одного — чтобы исчез свет и наступил мрак, ибо во мраке ждет нас блаженство.

— Злая женщина, вам очень хорошо известно, что мое блаженство в руках только одной женщины, а эта женщина играет и тешится несчастным Генрихом.

— О-о! А мне вот кажется, что эта женщина была игрушкой и потехой для короля Наварры.

В первую минуту такое резкое неприязненное отношение испугало Генриха, но он сейчас же рассудил, что за этим скрывается досада, а досада — маска любви.

— Милая Шарлотта, честно говоря, ваш упрек несправедлив, и я не понимаю, как может такой красивый ротик говорить так зло. Неужели вы думаете, что в этот брак вступаю я? Клянусь святою пятницею — нет! Это не я.

— Уж не я ли? — ответила она с колкостью, если можно назвать колкостью слова женщины, которая вас любит и упрекает за то, что вы не любите ее.

— И этими прекрасными глазами вы видите так плохо? Нет, нет, не Генрих Наваррский женится на Маргарите Валуа.

— Но тогда кто же?

— О, святой боже! Да реформатская церковь выходит замуж за папу, вот и все.

— Ни-ни, ваше величество, меня не ослепить блеском остроумия, нет: ваше величество любит королеву Маргариту, и это не упрек, боже сохрани! Она так хороша, что невозможно не любить ее.

Генрих задумался на минуту, и, пока он размышлял, добрая улыбка заиграла в уголках его губ.

— Баронесса, мне кажется, вы ищете предлога, чтобы поссориться со мной, но у вас нет на это права: послушайте, сделали вы хоть что-нибудь, что мне мешало бы жениться на Маргарите? Ничего! Наоборот, вы занимались только тем, что приводили меня в отчаяние.

— И благо мне, ваше величество!

— Это почему?

— Конечно, так, ведь вы сегодня соединяетесь с другой.

— Но оттого, что вы меня не любите.

— А если б я полюбила вас, мне через час пришлось бы умереть.

— Умереть? Что это значит? И почему — через час, и от какой причины?

— От ревности... Через час королева Наваррская отпустит своих придворных дам, а ваше величество — своих придворных кавалеров.

— Послушайте, милочка моя, вас в самом деле так удручает эта мысль?

— Этого я не говорила. А сказала, — если б я любила вас, то эта мысль удручала бы меня ужасно.

— Хорошо! — воскликнул Генрих, обрадованный ее первым признанием в любви. — Ну, а если сегодня вечером король Наваррский не отпустит своих придворных кавалеров?

— Сир, — промолвила мадам де Сов, глядя на короля с изумлением, на этот раз совершенно непритворным, — вы говорите о том, что невозможно, а главное — чему нельзя поверить.

— Как нужно поступить, чтобы вы поверили?

— Доказать делом, а вы не можете мне дать такого доказательства.

— Отлично, мадам, отлично! Клянусь святым Генрихом! Я дам вам это доказательство! — воскликнул Генрих, обжигая молодую женщину горящим взглядом пламенной любви.

— О! Ваше величество! — тихо произнесла баронесса, опуская глаза. — Я... Я не понимаю... Нет, нет! Нельзя бежать от счастья, которое вас ждет.

— Моя прелесть, в этом зале — четыре Генриха: Генрих Французский, Генрих Конде, Генрих Гиз, но только один Генрих Наваррский.

— И что же?

— А вот что: если Генрих Наваррский всю ночь проведет у вас?..

— Всю ночь?..

— Да, — убедит ли это вас, что у другой он не был?

— Ах, сир, если вы сделаете так!.. — воскликнула на этот раз мадам де Сов.

— Так и сделаю, честное слово дворянина!

Мадам де Сов подняла на короля глаза, полные страстных обещаний, и улыбнулась ему такой улыбкой, что сердце Генриха забилось от радости и упоения.

— Посмотрим, — продолжал Генрих, — что вы скажете тогда?

— О, тогда, ваше величество, тогда скажу, что я действительно любима вами.

— Святая пятница! Вы это скажете, потому что так оно и есть.

— Но как же это сделать?

— Ах, боже мой! Неужели, баронесса, у вас нет какой-нибудь камеристки, горничной, служанки, на которую вы могли бы положиться?

— О да! У меня есть моя Дариола, которая так предана мне, что даст себя изрезать на куски ради меня: настоящее сокровище.

— Скажите этой девице, баронесса, что я ее озолочу, как только, согласно предсказанию астрологов, стану королем Франции.

Шарлотта улыбнулась, потому что в это время установилось невыгодное мнение о гасконских обещаниях Беарнца.

— Ну, хорошо! Чего же вы хотите от Дариолы?

— Того, что ей не стоит ничего, а для меня — все.

— А именно?

— Ведь ваши комнаты над моими?

— Да.

— Пусть она ждет за вашей дверью. Я тихо стукну в дверь три раза; она откроет, и вы получите то доказательство, какое я вам обещал.

Несколько секунд мадам де Сов молчала; потом повела вокруг себя глазами, как бы желая убедиться, что никто их не подслушивает, и на мгновение остановила взор на группе дам, окружавших королеву-мать; это было действительно мгновение, но его было достаточно, чтобы Екатерина и эта приближенная к ней дама обменялись взглядом.

— А вдруг у меня явится желание уличить ваше величество во лжи? — сказала мадам де Сов голосом сирены, растопившим воск в ушах Улисса.

— Попробуйте, милочка моя, попробуйте.

— Говоря честно, мне очень трудно победить в себе это желание.

— Так пусть оно победит вас: женщины никогда не имеют такой силы, как после поражения.

— Сир, когда вы будете французским королем, я вам припомню ваше обещание Дариоле.

Генрих Наваррский даже вскрикнул от восторга.

Замечательно, что радостное восклицание вырвалось у Генриха в то самое мгновение, когда Маргарита Валуа ответила герцогу Гизу латинской фразой:

— Noctu pro more.

Так Генрих Наваррский и Генрих Гиз одновременно — и оба радостные — расстались со своими дамами, один — с Шарлоттою де Сов, другой — с Маргаритой Валуа.

Спустя час после двух этих разговоров король Карл и королева-мать ушли в свои покои; почти сейчас же залы Лувра начали пустеть и в галереях стали видны базы мраморных колонн. Четыреста дворян-гугенотов проводили адмирала и принца Конде сквозь народную толпу, недовольно ворчавшую им вслед. После них вышли герцог Гиз, лотарингские и другие вельможные католики, приветствуемые радостными криками и рукоплесканиями народа.

Что касается Маргариты Валуа, Генриха Наваррского и мадам де Сов, то они жили в самом Лувре.

Глава II

СПАЛЬНЯ КОРОЛЕВЫ НАВАРРСКОЙ

Герцог Гиз проводил свою невестку, герцогиню Невэрскую, до ее дома на улице дю Шом, что против улицы де Брак, и, оставив герцогиню на попечение ее служанок, пошел в свои покои, чтобы переодеться, взять ночной плащ и короткий с острым кончиком кинжал, который носил название «дворянская честь» и прицеплялся вместо шпаги. Но, взяв со стола кинжал, герцог заметил маленькую записку, всунутую между ножнами и клинком. Он развернул бумажку и прочел: «Надеюсь, что герцог Гиз не пойдет обратно в Лувр сегодня ночью; если же пойдет, то пусть наденет на всякий случай добрую кольчугу и захватит шпагу».

— Так! Так! — произнес герцог, оборачиваясь к своему лакею. — Вот, дядюшка Робен, какое странное предупреждение. А теперь будьте добры сказать мне, кто входил сюда в мое отсутствие.

— Только один человек.

— А именно?

— Месье Дю Гаст.

— Так! Так! То-то я вижу — рука знакомая. А ты наверно знаешь, что приходил Дю Гаст? Ты его видел?

— Даже больше, я с ним разговаривал.

— Хорошо, послушаюсь его совета. Мою шпагу и короткую кольчугу!

Лакей, уже привыкший к таким переодеваниям, принес то и другое. Герцог надел кольчугу из таких тоненьких колечек, что стальная ткань казалась не толще бархата; поверх кольчуги надел камзол, трико с пуфами и колет — серые с серебром, — любимое им сочетание цветов, натянул высокие сапоги, доходившие до половины ляжек, накрыл голову черным бархатным беретом без пера и драгоценных украшений, потом закутался в широкий темный плащ, прицепил к поясу кинжал и, отдав шпагу своему пажу, составлявшему теперь всю его свиту, пошел по направлению к Лувру.

Когда он только переступал через порог своего дома, звонарь на Сен-Жерме-Л'Озеруа прозвонил час ночи.

Несмотря на поздний час и опасность ночных прогулок в те времена, смелый герцог совершил свой путь без всяких приключений и подошел здрав и невредим к огромному массиву Лувра, где все огни уже погасли один вслед за другим, страшному теперь своим молчанием и тьмою.

Перед королевским замком тянулся глубокий ров, на который и выходили почти все комнаты высокопоставленных особ, живших в Лувре. Покои Маргариты находились в нижнем этаже. Туда нетрудно было бы проникнуть, если бы не ров, вырытый на такую глубину, что нижний этаж оказывался на высоте почти тридцати футов, а следовательно — вне досягаемости для воров или любовников; однако герцог Гиз решительно спустился в ров.

В ту же минуту скрипнуло одно из окон в нижнем этаже. На окне была железная решетка, но чья-то рука вынула один из прутьев, заранее подпиленный, и в это отверстие спустила шелковый шнурок.

— Жийона, это вы? — тихо спросил герцог.

— Да, ваша светлость, — еще тише ответил женский голос.

— А Маргарита?

— Ждет вас.

— Хорошо.

Он сделал знак своему пажу; паж вынул из-под плаща и развернул узенькую веревочную лестницу. Герцог привязал к ее концу опущенный шнурок; Жийона подтянула лестницу к себе наверх и закрепила; герцог, прицепив шпагу, полез по лестнице и благополучно добрался до окна. Когда он скрылся в проделанном отверстии, железный прут решетки стал на место, и окно закрылось; тогда паж, раз двадцать сопровождавший герцога под эти окна, как только убедился, что его господину удалось благополучно проникнуть в Лувр, закутался в свой плащ и улегся спать тут же, под стеной, на травке, покрывавшей ров.

Погода была мрачная, из насыщенных электричеством желтовато-черных туч перепадали редкие крупные капли теплого дождя.

Герцог следовал за своей провожатой, которая была дочерью маршала Франции Жака де Монтиньон и пользовалась исключительным доверием Маргариты Валуа, не имевшей от нее никаких тайн, а, по мнению некоторых лиц, в числе тайн, хранимых неподкупной верностью этой девицы, были такие страшные, что заставляли ее хранить все остальные.

Никакого света ни в нижних комнатах, ни в коридорах, лишь изредка голубоватый отблеск далекой молнии освещал мрачные покои и тотчас потухал.

Спутница герцога вела его за руку все дальше, и наконец они дошли до винтовой лестницы, проделанной в толще стены и упиравшейся в потайную дверь передней комнаты покоев Маргариты.

В этой комнате царил такой же беспросветный мрак, как и в других покоях нижнего этажа.

Жийона, войдя в переднюю, остановилась.

— Вы принесли то, что угодно королеве? — спросила она шепотом.

— Да, — ответил герцог Гиз, — но я отдам только ей самой.

— Не теряйте времени, входите, — раздался из темноты голос, при звуке которого герцог вздрогнул, узнав голос Маргариты.

Бархатная лиловая с золотыми лилиями портьера приподнялась, и герцог увидел в полумраке королеву, которая, не утерпев, вышла ему навстречу.

— Я здесь, мадам, — ответил герцог, быстро проходя под портьерой, которая тотчас упала за его спиной.

Маргарите Валуа пришлось теперь самой быть проводницей герцога в своих покоях, хотя и хорошо ему знакомых. Жийона осталась сторожить у двери и, приложив палец к губам, давала этим знать, что королева может быть спокойна.

Маргарита, как будто понимая ревнивые тревоги герцога, довела его до спальни и там остановилась.

— Что ж, вы довольны, герцог?

— Доволен? А чем, мадам, позвольте вас спросить?

— А доказательством того, — ответила Маргарита с оттенком раздражения, — что я принадлежу мужчине, который уже к вечеру в день свадьбы, в самую брачную ночь, забыл о моем существовании и даже не явился поблагодарить за честь если не моего выбора, то согласия назвать его моим супругом.

— О мадам, не беспокойтесь, он придет, а тем более если вы сами этого хотите!

— Генрих! И это говорите вы, зная лучше всех, как это несправедливо! — воскликнула Маргарита Валуа. — Если б у меня было то желание, какое вы разумеете, разве просила бы я вас прийти сегодня в Лувр?

— Вы, Маргарита, просили меня явиться в Лувр для того, чтобы уничтожить все следы наших прошлых отношений, так как это прошлое живет не только в моем сердце, но и в том ларчике, который я принес.

— Разрешите, Генрих, сказать вам одну вещь, — ответила Маргарита, глядя пристально на герцога. — Вы мне напоминаете не владетельного князя, а школьника! Это я стану отрицать, что любила вас?! Это я стану гасить огонь, который, может быть, потухнет, но отблеск свой оставит навсегда?! Любовь женщин, занимающих такое положение, как я, может быть или светочем, или злым гением своей эпохи. Нет, мой герцог, нет! Вы можете оставить у себя и эти письма, и самый ларчик — мой подарок. Из всех писем, что в нем лежат, королева Маргарита требует только одно, да и то потому, что оно опасно в равной мере для вас и для нее.

— Все в вашем распоряжении; берите любое — какое вам угодно уничтожить.

Маргарита стала быстро рыться в ларчике, трепетной рукой перебрала в нем двенадцать писем, пробегая глазами только начало их, — было очевидно, что ей достаточно взглянуть на обращение, как в ее памяти сейчас же возникало и содержание письма; но, просмотрев все, она вдруг побледнела, поревела глаза на герцога и спросила:

— Месье, здесь нет того письма, которое мне нужно. Неужели вы потеряли его? Ведь... передать его...

— Мадам, какое письмо вам нужно?

— То, где я прошу вас немедленно жениться.

— Чтобы оправдать вашу неверность?

Маргарита пожала плечами.

— Нет, чтобы спасти вам жизнь. То письмо, где я предупреждала вас, что король заметил и нашу любовь, и мои старания расстроить предполагаемый ваш брак с инфантой Португальской, что он вызвал своего побочного брата, графа Ангулемского, и сказал ему, показывая на две шпаги: «Или вот этой ты убьешь герцога Гиза сегодня вечером, или вот этой я завтра же убью тебя». Где это письмо?

— Вот, — ответил герцог Гиз, вынимая из-за пазухи письмо.

Маргарита чуть не выхватила его у герцога, порывисто развернула, удостоверилась, что оно — то самое, вскрикнула от радости и поднесла к свече; бумага вспыхнула, и в один миг письма не стало; но королева не удовлетворилась этим и, словно боясь, что даже в пепле могут найти ее неосторожное предупреждение, растоптала и самый пепел.

Герцог Гиз все это время следил за лихорадочными движениями своей любовницы.

— Теперь, Маргарита, вы наконец довольны? — спросил он, когда все кончилось.

— Да, теперь вы женитесь на принцессе Порсиан, и благодаря этому брат Карл простит мою связь с вами; но он никогда бы не простил мне разглашение тайны, подобной той, какую я, из слабости к вам, была не в силах скрыть.

— Да, это правда, — ответил герцог Гиз, — в то время вы меня любили.

— Генрих, я вас люблю все так же и даже больше.

— Вы?

— Да, я. Я никогда так не нуждалась в преданном и бескорыстном друге, как теперь, — я, безземельная королева и безмужняя жена.

Молодой герцог грустно кивнул головой.

— Я говорила вам и повторяю, Генрих, что мой муж меня не только не любит, но презирает, даже ненавидит; впрочем, одно то, что вы находитесь у меня в спальне, лучше всего доказывает его презрение и ненависть ко мне.

— Мадам, еще не поздно: король задержался, отпуская своих придворных, и если не пришел еще, то явится сейчас.

— А я вам говорю, — воскликнула Маргарита с возрастающей досадой, — что король Наваррский не придет!

— Мадам, — сказала Жийона, приподняв портьеру, — мадам, король Наваррский вышел из своих покоев.

— О, я же знал, что он придет! — воскликнул герцог Гиз.

— Генрих, — решительно сказала Маргарита, сжимая руку герцога, — вы сейчас увидите, верна ли я своим словам и можно ли рассчитывать на то, что мною обещано. Войдите в этот кабинет.

— Мадам, лучше мне уйти, пока не поздно, а то при первой любовной ласке короля я выскочу из кабинета — и тогда горе королю!

— Вы с ума сошли! Входите же, входите, вам говорят, я отвечаю за все!

Она втолкнула герцога в кабинет, и вовремя: едва успел он закрыть за собой дверь, как Генрих Наваррский, в сопровождении двух пажей, освещавших ему путь восемью восковыми свечами в двух канделябрах, переступил с улыбкой порог комнаты.

Маргарита сделала глубокий реверанс, чтобы скрыть свое смущение.

— Вы еще не легли спать? — спросил Беарнец с веселым и открытым выражением лица. — Уж не меня ли вы дожидались?

— Нет, месье, — ответила Маргарита, — ведь вы еще вчера сказали мне, что считаете наш брак только политическим союзом и никогда не позволите себе посягать на меня лично.

— Очень хорошо! Но это нисколько не мешает нам поговорить друг с другом. Жийона, заприте дверь и оставьте нас одних.

Маргарита, до этого сидевшая на стуле, встала и протянула руку по направлению к пажам, как бы приказывая им остаться.

— Может быть, позвать и ваших женщин? — спросил король. — Если изволите, я это сделаю, но должен вам признаться — мой разговор с вами касается таких вещей, что я бы предпочел свидание с глазу на глаз.

И король Наваррский направился к двери кабинета.

— Нет! — воскликнула Маргарита, стремительно преграждая ему путь. — Нет, не надо, я выслушаю вас.

Беарнец теперь знал все, что ему нужно было знать; он быстро, но зорко взглянул на кабинет, точно хотел проникнуть взором сквозь портьеру до самых темных уголков его, затем перевел взгляд на бледную от страха красавицу жену.

— В таком случае, — сказал он, — поговорим спокойно.

— Как будет угодно вашему величеству, — ответила она, почти падая в кресло, на которое указал ей муж.

Беарнец сел рядом с ней.

— Мадам, — продолжал он, — пусть там болтают что угодно, но, по-моему, наш брак — добрый брак. Во всяком случае, я — ваш, а вы — моя.

— Но... — испуганно произнесла Маргарита.

— Следовательно, — продолжал Беарнец, как бы не замечая ее смущения, — мы обязаны быть добрыми союзниками, ведь мы сегодня перед Богом дали клятву быть в союзе. Не так ли?

— Разумеется, месье.

— Мадам, я знаю, как вы прозорливы, и знаю, сколько опасных пропастей бывает на дворцовой почве; я молод, и, хотя никому не делал зла, врагов у меня много. Так вот, к какому лагерю я должен отнести ту, которая перед алтарем клялась мне в добрых чувствах и носит мое имя?

— О месье, как вы могли подумать...

— Я ничего не думаю, мадам, я лишь надеюсь и хочу только убедиться, что моя надежда имеет основания. Несомненно одно: наш брак — или политический ход, или ловушка.

Маргарита вздрогнула, и возможно, потому, что эта мысль приходила в голову и ей.

— Итак, какой же лагерь — ваш? — продолжал Генрих Наваррский. — Ко-

роль меня ненавидит, герцог Анжуйский — тоже, герцог Алансонский — тоже, Екатерина Медичи настолько ненавидела мою мать, что, конечно, ненавидит и меня.

— Ах, месье, что вы говорите?!

— Только истину, мадам, и если думают, что меня сумели обмануть относительно убийства де Муи и отравления моей матери, то я не хочу, чтобы так думали, и был бы поэтому не прочь, если бы здесь оказался кто-нибудь еще, кто мог бы меня слышать.

— Что вы! Вы прекрасно знаете, что здесь нас только двое: вы и я, — ответила она быстро, но как можно спокойнее и веселее.

— Поэтому-то я и пускаюсь в откровенность, поэтому-то и решаюсь вам сказать, что я не обманываюсь ни ласками царствующего дома, ни ласками семейства лотарингских герцогов.

— Сир! Сир! — воскликнула Маргарита.

— В чем дело, моя крошка? — улыбаясь, спросил Генрих.

— А в том, что такие разговоры очень опасны.

— С глазу на глаз? Нисколько. Так я вам говорил...

Для Маргариты это было пыткой; ей хотелось остановить короля на каждом слове; но Генрих с нарочитой искренностью продолжал речь:

— Да! Так я вам говорил, что угроза нависла надо мной со всех сторон; мне угрожают и король, и герцог Алансонский, и герцог Анжуйский, и королева-мать, и герцог Гиз, и герцог Майнцский, и кардинал Лотарингский — словом, все. Такие вещи чувствуешь инстинктивно, вы это понимаете, мадам. И вот от всех этих угроз, готовых обратиться в прямое нападение, я мог бы защитить себя при вашей помощи, потому что как раз те люди, которые меня не переносят, любят вас.

— Меня? — спросила Маргарита.

— Да, вас, — ответил очень добродушно Генрих. — Вас любит король Карл; вас любит, — подчеркнул он, — герцог Алансонский; вас любит королева Екатерина; наконец, вас любит герцог Гиз.

— Месье... — чуть слышно выговорила Маргарита.

— Ну да! Что же удивительного, если вас любят все? А те, кого я назвал, — ваши братья или родственники. Любить же своих родных и своих братьев — значит жить в духе Божием.

— Хорошо, но к чему вы клоните весь этот разговор? — спросила совершенно подавленная Маргарита.

— А я уже сказал к чему: если вы станете моим — не скажу — другом, но союзником, — мне ничто не страшно; в противном случае, если и вы будете моим врагом, я погибну.

— Вашим врагом? О, никогда! — воскликнула Маргарита.

— Но другом — тоже нет?

— Возможно — да.

— А союзником?

— Наверно!

Маргарита повернулась к королю и протянула ему руку.

Генрих взял ее руку, учтиво поцеловал и удержал в своих руках не столько из чувства нежности, сколько преследуя другую цель: более непосредственно чувствовать душевные движения Маргариты.

— Хорошо, я верю вам, мадам, и почитаю вас своим союзником. Итак, нас поженили, хотя мы друг друга и не знали, и не могли любить; женили, не спрашивая тех, кого женили; следовательно, у нас нет взаимных обязательств мужа и жены. Как видите, мадам, я иду навстречу вашему желанию и подтверждаю то, что говорил вам и вчера. Но союз мы заключаем добровольно, нас к нему никто не вынуждает, наш союз — это союз двух честных людей, обязанных поддерживать и не бросать друг друга; вы сами так ли понимаете его?

— Да, месье, — подтвердила Маргарита и попыталась высвободить свою руку.

— Хорошо, — продолжал Беарнец, не спуская глаз с двери кабинета, — а так как лучшим доказательством честного союза является полное доверие, то я сейчас

вас посвящу подробно во все тайны плана, который я себе составил, чтобы успешно противостоять всем этим враждебным силам.

— Месье... — пролепетала Маргарита, оглядываясь на кабинет, что вызвало скрытую улыбку у Беарнца, довольного успехом своей хитрости.

— И вот что я собираюсь сделать, — продолжал Генрих, как будто не замечая ее смущения. — Я...

— Месье, — воскликнула она и, быстро встав, схватила короля за локоть, — дайте мне передохнуть: волнение... жара... я задыхаюсь.

Маргарита действительно побледнела и вся дрожала, едва удерживаясь на ногах, чтоб не упасть.

Генрих направился к отдаленному окну и растворил его. Окно выходило на реку.

Маргарита шла вслед за ним.

— Молчите! Молчите! Ради себя, сир, — чуть слышно произнесла она.

— Эх, мадам, — ответил Беарнец, улыбаясь своей особенной улыбкой. — Ведь вы же сами мне сказали, что мы одни.

— Да, месье, но разве вам не известно, что посредством слуховой трубки, пропущенной сквозь стену или потолок, можно слышать все?

— Хорошо, мадам, хорошо, — с чувством прошептал Беарнец. — Верно то, что вы не любите меня, но верно также то, что вы честная женщина.

— Как надо это понимать?

— Будь вы способны меня предать, вы дали бы мне договорить, потому что я выдавал только себя, а вы меня остановили. Теперь я знаю, что в кабинете кто-то есть, что вы неверная жена, но верная союзница, а в данное время, — добавил Беарнец, улыбаясь, — надо признаться, для меня гораздо важнее верность в политике, нежели в любви...

— Сир... — стыдливо вымолвила Маргарита.

— Ладно, ладно, об этом поговорим после, когда узнаем друг друга лучше. — И уже громко спросил ее: — Ну как, мадам, теперь вам легче дышится?

— Да, сир, да, — тихо ответила она.

— В таком случае, — продолжал он громко, — я не хочу вас больше утруждать своим присутствием. Я почел своим долгом прийти, чтоб изъявить вам все мое уважение и сделать первый шаг к нашей дружбе; соблаговолите принять их так же, как я их предлагаю, — от всего сердца. Спите спокойно, доброй ночи.

Маргарита посмотрела на мужа с чувством признательности, светившимся в ее глазах, и сама протянула ему руку, говоря:

— Согласна.

— На политический союз, искренний и честный? — спросил Генрих.

— Искренний и честный, — повторила королева.

Беарнец пошел к выходу, бросив на Маргариту взгляд, увлекший ее невольно как завороженную вслед за мужем. Когда портьера отделила их от спальни, Генрих Наваррский с чувством прошептал:

— Спасибо, Маргарита, спасибо. Вы истинная дочь Франции. Я ухожу спокойным. Бедный вашей любовью, я не буду беден вашей дружбой. Полагаюсь на вас, как и вы можете полагаться на меня... Прощайте, мадам!

Генрих нежно сжал и поцеловал руку у жены; затем бодрым шагом направился к себе по коридору, шепотом рассуждая сам с собой:

— Какой черт сидит там у нее? Кто это — сам король, герцог Анжуйский, герцог Алансонский, герцог Гиз, — брат ли, любовник ли, или тот и другой? По правде говоря, мне теперь почти досадно, что я напросился на свидание с баронессой; но раз уж я дал слово и Дариола ждет меня у двери... все равно. Боюсь только, не потеряет ли баронесса в своей прелести оттого, что по дороге к ней я побывал в спальне у моей жены, ибо Марго, как зовет ее мой шурин Карл Девятый, — клянусь святой пятницей! — прелестное создание.

И Генрих Наваррский не очень решительно стал подниматься по лестнице к покоям мадам де Сов.

Маргарита провожала его глазами, пока он не исчез из виду, и только тогда вернулась к себе в комнату. В дверях кабинета стоял герцог, и эта картина вызвала в Маргарите чувство, похожее на угрызения совести. Суровое выражение лица и сдвинутые брови герцога говорили о горьких размышлениях.

— Маргарита сейчас нейтральна, а через неделю Маргарита будет враг, — произнес он.

— Значит, вы подслушивали? — спросила королева.

— А что ж мне было делать в этом кабинете?

— И, по-вашему, я вела себя не так, как подобало наваррской королеве?

— Нет, но не так, как подобало возлюбленной герцога Гиза.

— Месье, я могу не любить своего мужа, но никто не имеет права требовать от меня, чтоб я сделалась его предательницей. Скажите честно, способны ли вы сами выдать какую-нибудь тайну вашей будущей жены, принцессы Порсиан?

— Хорошо, хорошо, мадам, — сказал герцог, покачивая головой. — Пусть так. Я вижу, что у вас нет больше той любви ко мне, во имя которой вы раскрывали мне козни короля против меня и моих сообщников.

— Тогда король представлял силу, а вы слабость. Теперь слабая сторона — Генрих, а сила на вашей стороне. Как видите, я продолжаю играть все ту же роль.

— Но перешли из одного лагеря в другой.

— Я получила на это право, когда спасла вам жизнь таким же способом.

— Хорошо, мадам! Когда любовники расходятся совсем, то возвращают друг другу все свои взаимные дары; поэтому и я при первом случае спасу вам жизнь, чтобы не быть у вас в долгу.

Вслед за этим герцог раскланялся и вышел, а королева не шевельнула пальцем, чтобы его остановить. В передней герцог встретился с Жийоной, которая и проводила его к окну в нижнем этаже; во рву нашел он верного пажа и возвратился с ним домой.

Маргарита, задумавшись, сидела у открытого окна.

— Хороша брачная ночь! — прошептала королева. — Муж сбежал, любовник бросил!

В это время на той стороне рва, по дороге от Деревянной башни к Монетному двору, шел, подбоченясь, какой-то школяр и пел:

Почему, когда на грудь
Я хочу к тебе прильнуть
Иль когда, вздыхая тяжко,
Я ищу твои уста,
Ты обычно и чиста
И сурова, как монашка!..

Для чего тебе беречь
Белизну точеных плеч,
Этот лик и это лоно?
Для того ли, чтоб отдать
Всю земную благодать
Ласкам страшного Плутона!..

Дивный блеск твоих ланит
Зев могилы поглотит;
Но когда и за могилой
Встретиться придется нам,
Знать никто не будет там,
Что была моей ты милой!

Так не мучь и не гони
И скорее протяни,
Протяни свои мне губки,
А не то — пройдут года,

Пожалеешь ты тогда,
Что не сделала уступки![1]

Маргарита с грустной улыбкой прислушивалась к этой песне; когда же голос школяра замер вдали, она затворила окно и кликнула Жийону, чтобы с ее помощью раздеться и лечь спать.

Глава III

КОРОЛЬ-ПОЭТ

Торжества, балеты и турниры заняли все следующие дни. Сближение двух партий продолжалось. Двор расточал ласки и любезности, которые могли вскружить голову даже самым ярым гугенотам. На глазах у всех старик Коттон обедал и кутил с бароном де Куртомер, а герцог Гиз и принц Конде вместе катались по реке на лодке в сопровождении оркестра.

Карл IX как будто расстался со своим обычно мрачным настроением и не мог жить без своего зятя Генриха Наваррского. Наконец королева-мать обрела такую жизнерадостность, так прилежно занялась вышивками, драгоценными уборами и перьями для шляп, что даже потеряла сон.

Гугеноты, немного развратившись в этой новой Капуе, стали надевать шелковые колеты, вышивать девизы и не хуже католиков гарцевать перед заветными балконами. Во всем была заметна перемена, благоприятная для реформатского исповедания, — казалось, сам королевский двор собрался перейти в протестантизм. Даже адмирал, при своей опытности, попался на эту удочку, как и другие: ему до такой степени затуманили рассудок, что однажды вечером он на целых два часа забыл о зубочистке и не ковырял ею у себя во рту, хотя обычно предавался этому занятию с двух часов дня, когда кончал обедать, и до восьми вечера, когда садился ужинать.

В тот самый день, когда адмирал проявил такую невероятную забывчивость, король Карл IX пригласил герцога Гиза и Генриха Наваррского поужинать втроем. Закончив ужин, Карл увел их к себе в комнату, где стал показывать и объяснять им хитрый механизм волчьего капкана, изобретенный им самим, как вдруг прервал себя, спросив:

— Не собирается ли адмирал зайти ко мне сегодня вечером? Кто его видел сегодня днем и может мне сказать, как он себя чувствует?

— Я, — ответил Генрих, — и если ваше величество беспокоитесь о его здоровье, то могу вас утешить: я видел его сегодня два раза — в шесть утра и в семь вечера.

Король, глядевший до этого рассеянно, вдруг с острым любопытством остановил взгляд на своем зяте и сказал:

— Ай, ай, Анрио! Вы встали сегодня что-то уж слишком рано для новобрачного.

— Да, сир, — ответил Беарнец, — но мне хотелось узнать у всеведущего адмирала, не едет ли кое-кто из дворян, которых я жду.

— Еще дворяне! В день свадьбы их было уже восемьсот, и каждый день все едут новые — уж не собираетесь ли вы оккупировать Париж? — смеясь, спросил король.

Герцог Гиз нахмурил брови.

— Сир, — возразил Беарнец, — ходят слухи о походе во Фландрию, поэтому я и собираю к себе из своей области и из соседних всех, кто, по моему мнению, может быть полезен вашему величеству.

Герцог Гиз, вспомнив ночной разговор Беарнца с Маргаритой о каком-то плане, стал слушать более внимательно.

---

[1] Стихотворные тексты в романе переведены А. Арго.

— Ладно, ладно! — ответил король с хищной улыбкой. — Чем больше будет их, тем лучше; созывайте, созывайте, Генрих. Но каковы эти дворяне? Надеюсь, люди храбрые?

— Не знаю, сир, сравняются ли в храбрости мои дворяне с дворянами вашего величества, герцога Анжуйского или месье Гиза, но я их знаю и уверен, что они себя покажут.

— А вы ждете еще многих?

— Человек десять — двенадцать.

— Как их зовут?

— Сейчас не припомню, кроме одного, которого рекомендовал мне Телиньи как образованного дворянина, по имени де Ла Моль; не могу уверять...

— Де Ла Моль! Уж это не провансалец ли — Лерак до Ла Моль? — заметил король, хорошо знавший генеалогию французского дворянства.

— Совершенно верно, сир; как видите, я хожу за людьми даже в Прованс.

— А я, — ответил с насмешливой улыбкой герцог Гиз, — хожу еще дальше его величества короля Наваррского и дохожу до самого Пьемонта, чтобы собрать всех тамошних верных католиков.

— Католиков ли или протестантов — мне безразлично, были бы лишь храбры, — возразил король.

Эти слова, соединившие католиков и протестантов в одно целое, король произнес с видом такого беспристрастия, что сам герцог Гиз был озадачен.

— Ваше величество, уж не о наших ли фламандцах идет речь? — спросил адмирал, который, пользуясь недавно дарованным ему королевским разрешением являться без доклада, входил в комнату короля и слышал последние его слова.

— А-а! Вот и отец мой адмирал! — воскликнул Карл IX, раскрывая объятия. — Стоит заговорить о войне, дворянах, храбрецах — и он тут как тут, его тянет, как магнитом. Мой наваррский зять и мой кузен Гиз ждут подкреплений для вашей армии. Вот о чем шел разговор.

— И подкрепления идут, — сказал адмирал.

— У вас есть свежие вести, адмирал? — спросил Беарнец.

— Да, мой сын, в частности — о Ла Моле; вчера он был в Орлеане, а завтра или послезавтра будет в Париже.

— Чудеса! Господин адмирал просто колдун, — заметил Гиз. — Ему известно, что делается за тридцать или сорок миль от него! Я очень хотел бы знать так же достоверно, что происходит или что произошло под Орлеаном.

Колиньи совершенно спокойно отнесся к этому выпаду герцога Гиза, явно намекавшего на смерть своего отца, Франсуа де Гиза, убитого под Орлеаном гугенотом Польтро де Мере, и, как подозревали, по наущению адмирала.

— Месье, — ответил адмирал холодно, с достоинством, — я бываю колдуном всегда, когда хочу знать точно все, что имеет значение для дел короля или моих лично. Час тому назад прибыл из Орлеана мой курьер, он ехал на перекладных почтовых лошадях и благодаря этому проехал за один день тридцать две мили; а месье де Ла Моль едет верхом на собственной лошади, делая по десяти миль в день, — следовательно, он прибудет только двадцать четвертого. Вот и все колдовство.

— Браво, отец, — воскликнул Карл IX, — хорошо сказано! Пусть знают эти юноши, что не одни годы, но и мудрость убелила вашу бороду и голову. Давайте отпустим их болтать об их турнирах и любовных похождениях, а сами побеседуем вдвоем о наших военных предприятиях. При хорошем советнике и король становится хорошим, отец. Ступайте, господа, мне надо поговорить с адмиралом.

Молодые люди вышли — первым король Наваррский, а за ним герцог Гиз, но, выйдя за дверь, они холодно раскланялись и пошли каждый в свою сторону.

Колиньи с некоторой тревогой посмотрел им вслед: всякий раз, когда сходились эти два ненавистных друг другу человека, он опасался какой-нибудь вспышки между ними. Карл IX угадал мысль адмирала, подошел к нему и, взяв его под руку, сказал:

— Будьте покойны, отец; для того чтобы держать их в страхе и повиновении, су-

ществую я. Я стал настоящим королем с того дня, как моя мать перестала быть королевой, а она перестала быть королевой с того дня, как Колиньи стал мне отцом.

— Что вы, сир! — воскликнул адмирал. — Ведь королева Екатерина...

— Старая склочница! С ней никакой мир невозможен. Эти оголтелые итальянские католики понимают только одно — всех резать. Я же, наоборот, хочу умиротворения, и даже больше — хочу поддержать приверженцев нового исповедания. Все остальные чересчур распущенны, отец, они меня позорят своей любовной грязью и своим беспутством. Хочешь, я буду говорить с тобой честно, — продолжал Карл IX, все больше отдаваясь порыву откровенности. — Я не доверяю ни одному человеку из окружающих меня, за исключением новых моих друзей. Честолюбие Тавана мне очень подозрительно; Вьейвиль любит только хорошее вино и продаст своего короля за бочку мальвазии; Монморанси ничего не хочет знать, кроме охоты, и проводит все время в обществе собак и соколов; граф Рец — испанец, Гизы — лотарингцы. Да простит мне Бог, но мне сдается, что во всей Франции только три честных француза — я, мой наваррский зять да ты. Но я прикован к тропу и не могу командовать армией; самое большее, что мне позволено, — это поохотиться в Сен-Жермене и в Рамбулье. Мой наваррский зять слишком юн и малоопытен; кроме того, его отца, короля Антуана, всегда губили женщины, и мне сдается, что Генрих унаследовал эту слабость своего отца. Нет никого, кроме тебя, отец, — ты смел, как Цезарь, и мудр, как Платон. Я не знаю, как мне поступить: оставить ли тебя здесь советником при мне или послать туда главнокомандующим. Если ты будешь моим советником — кому командовать? Если командовать будешь ты — кто будет мне советником?

— Сир, сначала надо победить, а после победы будет и совет.

— Ты так думаешь, отец? Ну что же, хорошо — будь по-твоему. В понедельник ты отправишься во Фландрию, а я поеду в Амбуаз.

— Ваше величество уезжает из Парижа?

— Да... Я устал от этого шума, от всех этих торжеств. Я не деятель, я мечтатель. Я родился поэтом, а не королем. Ты организуешь нечто вроде совета, который и будет править, пока ты будешь на войне; а поскольку моя мать не войдет в него, все пойдет хорошо. А я уже оповестил Ронсара, чтоб он приехал в Амбуаз, и там вдвоем, вдали от шума, от дрянных людей, в тени лесов, на берегу реки, под тихий говор ручейков, мы будем беседовать о божественных вещах, это единственное утешение в суете мирской. Вот послушай мои стихи — предложение Ронсару быть моим гостем в Амбуазе; я сочинил их сегодня утром.

Колиньи усмехнулся. Карл IX провел рукою по гладкому желтоватому, как будто из слоновой кости, лбу и начал декламировать, немного нараспев, свои стихи:

Ронсар, когда с тобой в разлуке мы живем,
Ты забываешь вдруг о короле своем.
Но я и вдалеке ценю твой дивный гений,
И продолжаю брать уроки песнопений,
И снова шлю тебе ряд опытов своих,
Чтоб вызвать на ответ твой прихотливый стих.

Подумай, не пора ль закончить летний отдых?
Уместно ли весь век копаться в огородах?
Нет, должен ты спешить на королевский зов
Во имя радостных, ликующих стихов!..
Когда не навестишь меня ты в Амбуазе,
Я не прощу тебе такое безобразье!..

— Браво, сир, браво! — сказал Колиньи. — Я, правда, больше смыслю в военном деле, чем в поэзии, но, как мне кажется, эти стихи не уступят лучшим стихам Ронсара, Дира и самого канцлера Франции — Мишеля де л'Опиталь.

— Ах, отец, — воскликнул Карл IX, — если бы ты оказался прав! Поверь, что звание поэта меня прельщает более всего; и, как я говорил недавно своему учителю поэзии:

Искусство дивное поэмы составлять,
Пожалуй, потрудней искусства управлять.
Поэтам и царям Господь венки вручает,
Но царь их носит сам, поэт — других венчает,
Твой дух и без меня величьем осиян,
А мне величие дает мой гордый сан.

Мы ищем, я и ты, к богам путей открытых,
Но я подобье их, Ронсар, ты фаворит их!
Ведь лира власть тебе над душами дала,
А мне — увы и ах! — подвластны лишь тела!
Власть эта такова, что в древности едва ли
Тираны лютые подобной обладали...

— Сир, мне хорошо известно, что ваше величество ведет беседы с музами, — сказал Колиньи, — но я не знал, что они стали для вас главными советниками.

— Главный ты, отец, главный ты! Я и хочу тебя поставить во главе всего государственного управления, чтобы мне не мешали свободно общаться с музами. Слушай, я тороплюсь ответить нашему великому поэту на его новый мадригал, который он прислал мне... Да я и не могу собрать тебе сейчас все документы, которые необходимы, чтобы ты мог уяснить себе основное расхождение между Филиппом Вторым и мной. Кроме того, мои министры дали мне что-то вроде плана будущей войны. Все это я разыщу и отдам тебе завтра утром.

— В котором часу, сир?

— В десять; если окажется, что я буду занят писанием стихов и запрусь у себя в кабинете... то все равно входи прямо сюда, и ты найдешь здесь, на столе, все документы — в этом красном портфеле; забирай их вместе с портфелем, цвет его настолько бросается в глаза, что ты не ошибешься. А я сейчас иду писать Ронсару.

— Прощайте, сир.

— Прощай, отец.

— Разрешите вашу руку, сир?

— Какая там рука? Мои объятия, моя грудь — вот твое место! Приди, приди ко мне, старый воин!

Карл IX привлек к себе склоненную голову адмирала и прикоснулся губами к его седым волосам.

Адмирал вышел, утирая набежавшую слезу.

Карл следил за Колиньи глазами, пока мог его видеть, затем прислушался к его шагам, пока их было слышно; когда же адмирал исчез и шаги его затихли, Карл IX, по свойственной ему привычке, склонил голову набок и медленно проследовал в Оружейную палату.

Оружейная палата была любимым местопребыванием Карла; здесь брал он уроки фехтования у Помпея и уроки стихотворства у Ронсара. Здесь находилось собрание лучших образцов наступательного и оборонительного оружия. Все стены были увешаны боевыми топорами, копьями, щитами, алебардами, мушкетами и пистолетами; и как раз в этот день один знаменитый оружейный мастер принес королю превосходную аркебузу, на стволе которой была сделана серебряной насечкой надпись, состоявшая из четырех строк, сочиненных самим Карлом:

В боях за честь, за Божье слово
Я непреклонна и сурова,
В того, кто недруг королю,
Я пулю меткую пошлю!

Заперев входную дверь, король прошел в другой конец палаты и приподнял стенной ковер, скрывавший переход в другую комнату, где молилась женщина, склонив колени на низкую скамейку с аналоем.

Ковер скрадывал звук шагов, и Карл, медленно ступая, вошел, как призрак, на-

столько тихо, что коленопреклоненная женщина ничего не услыхала, не оглянулась и продолжала молиться. Карл остановился на пороге, задумчиво глядя на нее.

Женщине с виду было лет тридцать пять, ее здоровую красоту оттенял наряд крестьянок из окрестностей Ко. Белый колпак, бывший в моде при французском дворе времен королевы Изабеллы Баварской, и красный корсаж были расшиты золотом, — такие корсажи носят и теперь крестьянки близ Соры и Неттуно. Комната, где она жила чуть не двадцать лет, была смежной со спальней короля и представляла собой своеобразную смесь изысканности и деревенской простоты. Здесь дворец как будто растворялся в простой избе, а изба — во дворце, образуя что-то среднее между деревенской простотой и роскошью вельможной дамы. Так, скамейка, на которой коленопреклоненно молилась женщина, вся была из дуба, украшена чудесною резьбой и обита бархатом с золотою бахромой, а Библия — главная молитвенная книга этой протестантки, — раскрытая перед ее глазами, была полурастрепанная, старая, какие бывают только в самых бедных семьях.

Вся остальная обстановка — в том же духе.

— Эй, Мадлен! — окликнул ее король.

Коленопреклоненная женщина с улыбкой обернулась на знакомый голос и, сходя со скамеечки, ответила:

— А-а, это ты, сынок?

— Да, кормилица. Поди ко мне.

Карл IX опустил ковер, прошел в Оружейную и сел на ручку кресла. Вошла кормилица и спросила:

— Что тебе, Шарло?

— Поди сюда и говори шепотом.

Кормилица подошла к нему с ласковой простотой, возникшей, вероятно, из чувства той материнской нежности, которую питает к ребенку женщина, вскормившая его своею грудью. Однако памфлеты того времени находили источник этой нежности в других, далеко не таких чистых отношениях.

— Ну, вот я, говори, — сказала кормилица.

— Здесь тот человек, которого я вызвал?

— Ждет уже с полчаса.

Карл встал, подошел к окну и посмотрел, не подглядывает ли кто-нибудь, затем приблизился к двери и удостоверился, что никто не подслушивает, смахнул пыль с висевшего на стене оружия, приласкал крупную борзую собаку, которая ходила за ним по пятам, останавливаясь, когда он останавливался, и следуя за своим хозяином, когда он сходил с места; наконец король вернулся к кормилице и сказал:

— Ладно, кормилица, впусти его.

Кормилица вышла тем же ходом, по которому входил к ней король, а Карл IX присел на край стола, занятого разложенным на нем оружием различных видов. В ту же минуту ковер вновь приподнялся, пропуская того, кого ждал Карл.

Это был человек лет сорока, с серыми глазами, выражавшими коварство, с крючковатым носом, как у совы, и выдававшимися скулами; лицо его пыталось выразить почтение, но вместо этого белые от страха губы искривились в лицемерную улыбку.

Карл IX тихо протянул руку за спину и нащупал на столе рукоятку пистолета новой системы, где вспышка пороха производилась не фитилем, а трением пирита о колесико в замке; в то же время король смотрел своими тусклыми глазами на нового актера этой сцены, насвистывая верно и даже очень мелодично свою любимую охотничью песенку.

Так прошло несколько секунд, и незнакомец менялся в лице все больше.

— Вы тот самый, кого зовут Франсуа де Лувье-Морвель? — спросил король.

— Да, сир.

— Офицер отряда петардщиков?

— Да, сир.

— Мне хотелось посмотреть на вас.

Морвель поклонился.

— Вам известно, — сказал Карл IX, подчеркивая каждое слово, — что своих подданных я люблю одинаково всех.

— Я знаю, — пролепетал Морвель, — что ваше величество — отец народа.

— И что гугеноты и католики одинаково мне дети.

Морвель молчал; но проницательный глаз короля заметил, что он дрожал всем телом, хотя Морвель стоял в полутемной части кабинета.

— Вам это не по нраву? — спросил король. — Ведь вы жестоко воевали с гугенотами?

Морвель упал на колени.

— Сир, — пролепетал он, — поверьте, что...

— Верю, — продолжал король, все глубже пронизывая Морвеля своим взглядом, ставшим из стеклянного сверкающим, — я верю, что в сражении при Монконтуре вам очень хотелось подстрелить адмирала, который сейчас вышел из этой комнаты; я верю, что тогда вы промахнулись, и после этого вы перешли в армию к нашему брату, герцогу Анжуйскому; наконец, верю и тому, что из нее вы еще раз перебежали в армию принцев Конде, где и поступили на службу в отряд к месье де Муи де Сен-Фаль...

— О сир!

— К храброму пикардийскому дворянину?..

— Сир, сир! Не мучьте меня! — воскликнул Морвель.

— Он был прекрасный командир, — продолжал Карл IX; и по мере того, как он говорил, выражение почти хищной жестокости все больше проявлялось на его лице, — и этот человек принял вас, как сына, приютил, одел, кормил.

Морвель тяжело вздохнул.

— Вы звали его своим отцом, — безжалостно продолжал Карл, — и, помнится, его сын, юный де Муи, питал к вам нежные, дружеские чувства.

Морвель, стоя на коленях, все более сгибался под гнетом этих слов, а Карл стоял бесчувственный и недвижимый, как статуя, у которой были живыми только губы.

— Кстати, — продолжал король, — не вам ли герцог Гиз предназначал награду в десять тысяч экю, если вы убьете адмирала?

Убийца в ужасе склонился лбом до земли.

— И вот старого сеньора де Муи, вашего доброго отца, вы как-то сопровождали в разведке по направлению к Шевре. Он уронил бич и спешился, чтобы его поднять. Вы оказались с ним наедине, вы вынули из ольстры пистолет, и когда ваш добрый отец нагнулся, вы перебили ему хребет пулей; он был убит наповал, а вы, убедившись, что он мертв, удрали на лошади, которую он же вам и подарил.

Морвель продолжал молчать, сраженный этим обвинением, верным во всех подробностях, а Карл IX принялся опять насвистывать с той же точностью, с той же музыкальностью все ту же охотничью песню. Выждав некоторое время, Карл IX сказал:

— Вот что, мастер убийца, у меня большое желание вас повесить.

— О ваше величество! — возопил Морвель.

— Молодой де Муи еще вчера молил меня об этом. Я даже не знал, что ему ответить, хотя просьба его вполне законна.

Морвель умоляюще сложил руки.

— Она тем более законна, что, как вы сказали сами, я отец народа, а я ответил вам на это, что я теперь примирился с гугенотами и они точно такие же мои дети, как и католики.

— Сир, — вымолвил совсем упавший духом Морвель, — жизнь моя в ваших руках, делайте с ней, что хотите.

— Верно! И, по-моему, она не стоит ни гроша.

— Сир, неужели нет возможности искупить мою вину? — взмолился убийца.

— Не знаю. Во всяком случае, будь я на вашем месте, чего, слава богу, нет...

— Сир, ну а если бы вы были на моем месте?.. — пролепетал Морвель, впиваясь глазами в губы короля.

— Думаю, что я бы нашел выход, — ответил Карл.

Морвель оперся рукою о пол и приподнялся на одно колено, пристально смотря на Карла, чтобы разглядеть, не смеется ли над ним король.

— Я, конечно, очень люблю молодого де Муи, — продолжал король, — но я очень люблю и моего кузена Гиза; и если бы он попросил меня даровать жизнь какому-нибудь человеку, а де Муи просил бы казнить того же человека, я был бы в крайнем затруднении. Однако по разным политическим и религиозным соображениям я должен был бы уступить желанию моего кузена Гиза, ибо де Муи хотя и очень храбрый командир, но все же мелок в сравнении с принцем Лотарингским.

Пока Карл IX говорил эти слова, Морвель мало-помалу привставал и как бы возвращался к жизни.

— Итак, в вашем крайнем положении вам было бы важно заслужить благоволение моего кузена Гиза; кстати, мне вспоминаются его вчерашние слова.

Морвель сделал шаг вперед.

— «Представьте себе, сир, — говорил Гиз, — каждый день в десять часов утра по улице Сен-Жермен-Л'Озеруа возвращается из Лувра мой заклятый враг, и я гляжу на него из дома моего бывшего наставника, каноника Пьера Пиля, сквозь зарешеченное окно в нижнем этаже. Каждый день я вижу, как идет мой враг, и каждый день я умоляю дьявола разверзнуть под ним землю». Не кажется ли вам, мастер Морвель, — продолжал Карл IX, — что если бы вы оказались дьяволом или, по крайней мере, заместили бы его хоть на минуту, то, может быть, вы и порадовали бы моего кузена Гиза?

На губах Морвеля, еще белых от испуга, появилась дьявольская усмешка, и они заговорили:

— Да, сир, но не в моей власти разверзнуть землю.

— Однако вы, насколько помню, ее разверзли для доброго Муи. На это вы мне скажете: да, но посредством пистолета... Он у вас не сохранился?

— Простите, сир, но я стреляю из аркебузы лучше, чем из пистолета, — ответил разбойник, почти оправившись от страха.

— Пистолет или аркебуза, — сказал Карл, — какая разница? Я убежден, что мой кузен Гиз не станет придираться к мелочам.

— Но мне нужно очень надежное, меткое ружье, быть может, придется стрелять на дальнем расстоянии.

— В этой комнате десять аркебуз, — сказал король, — и я из каждой попадаю в золотой экю на сто пятьдесят шагов. Хотите, попробуйте любую.

— О сир! С великим удовольствием! — воскликнул Морвель, направляясь к той, что была принесена сегодня утром и поставлена отдельно в угол.

— Нет, только не эту, — возразил король, — ее я оставляю для себя. На днях предстоит большая охота, где, я надеюсь, она послужит мне. Но любую другую можете взять.

Морвель снял со стены одну из аркебуз.

— Теперь, сир, кто же этот враг? — спросил убийца.

— Почем я знаю? — ответил Карл, уничтожая мерзавца презрительным взглядом.

— Хорошо, я спрошу у герцога Гиза, — пролепетал Морвель.

Король пожал плечами:

— Нечего его спрашивать — герцог Гиз вам не ответит. Разве дают ответы на подобные вопросы? Тем, кто хочет избегнуть виселицы, надо иметь смекалку.

— А как же я его узнаю?

— Говорят вам, что ежедневно он проходит мимо окна каноника.

— Перед этим окном проходит много народу. Может быть, ваше величество соблаговолит мне указать хоть какую-нибудь примету?

— О, это нетрудно. Например, завтра он понесет под мышкой портфель из красного сафьяна.

— Достаточно, сир.

— У вас все та же лошадь, которую подарил вам де Муи, и скачет так же хорошо?

— У меня самый быстрый берберский конь.

— О, я нисколько не боюсь за вас! Но вам полезно знать, что в монастыре есть задняя калитка.

— Благодарю, сир! Помолитесь за меня Богу.

— Что?! Тысяча чертей! Вы лучше сами молитесь дьяволу, только с его помощью вы избежите петли!

— Прощайте, сир!

— Прощайте. Да, вот что еще, месье де Морвель: если завтра до десяти часов утра будет какой-нибудь разговор о вас или если после десяти не будут говорить про вас, то не забудьте, что в Лувре есть камера для смертников.

И Карл IX опять принялся насвистывать мотив своей любимой песенки.

Глава IV

ВЕЧЕР 24 АВГУСТА 1572 ГОДА

Если читатель помнит, в предшествующей главе упоминался дворянин по имени Ла Моль, которого поджидал король Наваррский. Как и предсказывал адмирал, этот дворянин к концу дня 24 августа 1572 года въезжал в Париж от городских ворот Сен-Марсель и, довольно презрительно посматривая на живописные вывески гостиниц, в большом количестве стоявших и с правой и с левой стороны, направил взмыленную лошадь к центру города, где пересек площадь Мобера, проехал Малый мост, мост Собора Богоматери, затем по набережной и, наконец, остановился в начале переулка Бресек, переименованного позднее в улицу Арбр-сек, — это название мы и сохраним ради удобства нашего читателя.

Название Арбр-сек (сухое дерево), видимо, понравилось Ла Молю, и он въехал в эту улицу, где привлекла его внимание великолепная жестяная вывеска, которая, скрипя, раскачивалась на кронштейне и позванивала своими колокольчиками. Ла Моль остановился перед ней и прочел название: «Путеводная звезда», написанное, как девиз, под изображением, самым заманчивым для проголодавшегося путешественника: в темном небе жарится на огне цыпленок, а человек в красном плаще взывает к этой новоявленной звезде, воздевая свои руки вместе с кошельком.

«Вот эта гостиница хорошо рекламирует себя, — подумал дворянин, — а ее хозяин, наверно, ловкий парень; к тому же я слыхал, что улица Арбр-сек — в квартале Лувра, и если только само заведение соответствует вывеске, то я устроюсь здесь отлично».

Пока новоприбывший произносил этот монолог, с другого конца переулка, то есть от улицы Сент-Оноре, подъехал другой всадник и тоже остановился, прельщенный вывеской «Путеводная звезда».

Всадник, уже знакомый нам хотя бы лишь по имени, сидел на белой лошади испанской породы и был одет в черный колет с пуговицами из черного агата. Кроме колета, на нем были темно-лиловый плащ, черные кожаные сапоги, шпага с чеканным стальным эфесом и парный к ней кинжал. Если мы от костюма перейдем теперь к лицу, то увидим человека лет двадцати четырех — двадцати пяти, сильно загорелого, с голубыми глазами, тонкими усиками, с ослепительно белыми зубами, которые, казалось, озаряли его лицо, когда он улыбался — обычно мягкой, грустною улыбкой, — и, наконец, с безупречно очерченным, изящным ртом.

Второй путешественник являл собой полную противоположность первому. Из-под шляпы с загнутыми вверх полями выбивались волнистые густые белокурые, рыжего оттенка, волосы и глядели серые глаза, сверкавшие при малейшем недовольстве таким ослепительным огнем, что начинали казаться черными. Невольно обращали на себя внимание розоватый оттенок кожи, тонкие губы, темно-рыжие усы и замечательные зубы. Высокий и плечистый, он представлял собою тип красавца в обыденном значении этого понятия, и за то время, пока он ездил по Парижу, оглядывая все окна под тем предлогом, что ищет вывеску, многие дамы засматривались на него; что же касается мужчин, то они, возможно, были бы не прочь вы-

смеять и чересчур узкий плащ, и узкие штаны, и какой-то допотопной формы сапоги, но смех переходил в любезное пожелание «Да хранит вас Бог!» сейчас же, как только замечали, что лицо незнакомца имело способность в одну минуту принимать десяток различных выражений, кроме одного — выражения доброжелательности, обычно свойственного смущенному провинциалу.

Он первый и начал разговор, обратившись к другому дворянину, занятому внешним осмотром гостиницы «Путеводная звезда»:

— Дьявольщина! Скажите, месье, — произнес он с ужасным горским выговором, который сразу выдает уроженца Пьемонта среди сотни других пришельцев, — отсюда недалеко до Лувра? Во всяком случае, наши вкусы как будто сходятся; это очень лестно для моей особы.

— Месье, — произнес другой с провансальским выговором, не уступавшим по типичности пьемонтскому акценту первого собеседника, — мне кажется, что эта гостиница действительно находится недалеко от Лувра. Тем не менее я еще не вполне уверен, буду ли я иметь удовольствие присоединиться к вашему намерению. Я пока раздумываю.

— Так вы еще не решили? А вид у гостиницы заманчивый! Но, может быть, я соблазнился тем, что увидал здесь вас. Все-таки согласитесь, что вывеска красива.

— Это так, но она-то и возбуждает мои сомнения относительно действительного содержания. Меня предупреждали, что в Париже множество плутов и что здесь так же ловко обманывают вывесками, как и другими способами.

— Дьявольщина! Плутовство меня не смущает, — возразил пьемонтец. — Если хозяин подаст мне курицу, изжаренную хуже, чем та, на вывеске, я его самого посажу на вертел и буду вертеть, пока он не прожарится. Итак, месье, войдем.

— Вы меня убедили, — смеясь, ответил провансалец. — Прошу, месье, входите первым.

— Нет, месье, клянусь душой, этого не будет, — я только ваш покорный слуга, граф Аннибал де Коконнас.

— А я граф Жозеф-Гиасинт-Бонифас Лерак де Ла Моль, к вашим услугам.

— В таком случае возьмем друг друга за руки и войдем вместе.

Во исполнение этого примиряющего предложения оба молодых человека спешились, передали лошадей конюху, поправили шпаги и, взявшись за руки, пошли к двери гостиницы, где на пороге стоял ее хозяин. Но, вопреки обыкновению людей этой породы, почтенный собственник, видимо, не обратил на них внимания, а весь ушел в какие-то переговоры с желтым сухим верзилой, которого окутывал широкий плащ буро-коричневого цвета, как сову перья.

Оба дворянина подошли к хозяину гостиницы и его собеседнику в буро-коричневом плаще уже так близко, что Коконнас, рассерженный их невнимательностью к себе и своему спутнику, дернул хозяина за рукав. Последний сразу очнулся и отпустил своего собеседника, сказав ему:

— До свидания! Приходите поскорее и непременно осведомляйте меня о том, что происходит.

— Эй, старый плут, — сказал Коконнас, — вы что же, не видите, что к вам пришли по делу?

— Ах, простите, господа, — ответил хозяин, — я не заметил вас.

— Дьявольщина! Нас надо замечать! А теперь, когда вы нас заметили, то будьте любезны обращаться к нам не просто «месье», а «граф».

Ла Моль стоял сзади, предоставив вести переговоры Коконнасу, благо тот принял все дело на себя. Однако по нахмуренным бровям Ла Моля было ясно, что он в любую минуту готов прийти на помощь, когда наступит время действовать.

— Ладно! Так что же вам угодно, граф? — совершенно спокойно спросил хозяин.

— Хорошо... Не правда ли, так будет лучше? — спросил Коконнас, оборачиваясь к Ла Молю, на что последний утвердительно кивнул головой. — Мы, граф и я, основываясь на вашей вывеске, желаем иметь ужин и ночлег в вашей гостинице.

— Господа, я очень огорчен, — ответил хозяин, — но у меня свободна только одна комната, а это вам не подойдет.

— Ну и тем лучше, — сказал Ла Моль, — остановимся в другом месте.

— Нет, нет, — возразил Коконнас, — я останусь здесь; у меня лошадь измучена. Раз вы не хотите, я беру комнату одни.

— А-а, это меняет дело, — ответил хозяин с тем же нахальным равнодушием. — Если вы один, так я вас вовсе не пущу.

— Дьявольщина! Вот так забавная скотина! Только что сказал, что двое — слишком много, а теперь оказывается, что один — слишком мало! Так ты не хочешь, плут, принять нас?

— По совести, господа, раз уже вы заговорили таким тоном, я вам отвечу откровенно.

— Отвечай, но только поскорей.

— Ладно! Так уж лучше не надо мне чести иметь вас постояльцами.

— Почему?.. — спросил Коконнас, бледнея от негодования.

— А потому, что у вас нет лакеев, значит, господская комната будет занята, а две лакейских будут пустовать. Ежели я отдам вам комнату господскую, то не сдам двух других.

— Месье Ла Моль, — сказал Коконнас, оборачиваясь, — не думается ли вам, что придется поколотить этого прохвоста?

— Это можно, — ответил Ла Моль, приготовляясь вместе со своим спутником отхлестать хозяина плетью.

Но, несмотря на готовность обоих, видимо, очень решительных дворян перейти от слов к делу, что не предвещало ничего хорошего трактирщику, он нисколько не смутился и только отступил на один шаг к двери.

— Сейчас видать, что из провинции, — сердито проворчал он. — В Париже прошла мода бить хозяев, которые не хотят сдавать у себя комнат. Теперь бьют вельмож, а не горожан, а ежели вы будете на меня орать, я кликну соседей, но тогда уж исколотят вас, что вовсе не почетно для дворян.

— Дьявольщина! Он еще издевается над нами! — крикнул Коконнас вне себя.

— Грегуар, подай мне аркебузу! — приказал хозяин своему слуге таким же тоном, как будто говорил: «Подай господам стул!»

— Клянусь кишками папы! — зарычал Коконнас, обнажая шпагу. — Да разгорячитесь же, месье Ла Моль!

— Не надо! Не стоит: пока мы будем горячиться, остынет ужин.

— Вы так думаете? — воскликнул Коконнас.

— Я думаю, что хозяин «Путеводной звезды» прав, но не умеет принимать гостей, особенно дворян. Вместо того чтобы грубо говорить нам: «Господа, мне вас не надо», лучше было бы сказать нам вежливо: «Пожалуйте, господа», а в счете поставить: за господскую комнату — столько-то, за лакейскую — столько-то, учитывая, что если у нас нет сейчас лакеев, мы их наймем.

И с этими словами Ла Моль тихонько отстранил хозяина, уже протянувшего руку к принесенной аркебузе, пропустил Коконнаса в дом, а вслед за ним вошел и сам.

— Ну ладно, — сказал Коконнас, — а все-таки очень досадно вкладывать шпагу в ножны, не убедившись, что она колет не хуже, чем вертела у этого пария.

— Уж потерпите, дорогой спутник, — ответил Ла Моль. — Теперь все гостиницы переполнены дворянами, съехавшимися в Париж на брачные торжества и для предстоящей войны во Фландрии, поэтому нам не найти другой квартиры; а кроме того, возможно, что в Париже принято так встречать приезжих.

— Дьявольщина! Ну и терпение у вас! — пробурчал Коконнас, яростно закручивая рыжий ус и сверкая глазами на хозяина. — Но берегись, мошенник! Если у тебя готовят скверно, постели жестки, вино выдержано менее трех лет в бутылках и слуга не изворотлив, как тростник...

— Ля-ля-ля, мой милый дворянин, успокойтесь, вы будете здесь, как у Христа за пазухой, — прервал его хозяин, оттачивая кухонный нож на оселке.

Затем пробормотал, качая головой:

— Это гугенот; все отступники совершенно обнаглели после свадьбы ихнего Беарнца с мадемуазель Марго!

И, помолчав, добавил с такой усмешкой, что оба постояльца наверно вздрогнули бы, если бы видели ее:

— Ну, ну! Забавно, что мне попались гугеноты, и как раз...

— Эй! Будем мы ужинать наконец? — резко спросил Коконнас, прерывая рассуждения хозяина с самим собой.

— Как будет вам угодно, — ответил хозяин, сразу смягчившись, вероятно под влиянием мысли, пришедшей ему в голову.

— Нам так угодно, да поскорее, — ответил Коконнас.

Затем, обернувшись к Ла Молю, сказал:

— Вот что, граф: пока приготовляют комнату, скажите: как, по вашему мнению, Париж — веселый город?

— По правде говоря — нет, — ответил Ла Моль. — У меня осталось такое впечатление, что у всех встречных или встревоженные, или отталкивающие лица. Может быть, это оттого, что парижане боятся грозы. Видите, какое мрачное небо, и чувствуете, какая тяжесть в воздухе?

— Скажите, граф, вы ведь стремитесь в Лувр?

— Да — и вы тоже, месье Коконнас, как мне кажется?

— Ну что ж?! Давайте устремимся вместе.

— Гм! Пожалуй, немного поздно выходить на улицу.

— Поздно или нет, а придется выйти. Мне даны точные приказания: как можно скорее доехать до Парижа и тотчас по прибытии снестись с герцогом Гизом.

При имени герцога Гиза хозяин насторожился и подошел ближе.

— Мне сдается, что этот бездельник подслушивает нас, — сказал Коконнас, который, как все пьемонтцы, был злопамятен и не мог простить хозяину «Путеводной звезды» малопочтительный прием, оказанный обоим путешественникам.

— Да, я прислушиваюсь, господа, — ответил трактирщик, прикасаясь рукою к своему колпаку на голове, — но только чтобы услужить вам. Я услыхал разговор про герцога Гиза и тотчас подошел. Чем, господа дворяне, могу быть вам полезен?

— Ха, ха, ха! Как видно, это имя обладает волшебной силой, судя по тому, что из нахала ты стал подлизой. Дьявольщина!.. Мэтр... мэтр... как тебя там?

— Мэтр Ла Юрьер, — ответил хозяин, кланяясь.

— Отлично, мэтр Ла Юрьер; значит, у герцога Гиза такая тяжелая рука, что может сделать вежливым даже тебя! Уж не думаешь ли ты, что моя легче?

— Нет, граф, но ваша короче, — возразил хозяин. — А кроме того, — добавил он, — должен вам сказать, что для нас, парижан, великий Генрих — кумир!

— Какой Генрих? — спросил Ла Моль.

— Мне думается, есть только один, — ответил Ла Юрьер.

— Прости, милейший, есть и другой — тот, о котором предлагаю вам не говорить плохо, а именно — Генрих Наваррский, помимо Генриха Конде, человека тоже весьма достойного.

— Этих я не знаю, — ответил хозяин.

— Зато их знаю я, — сказал Ла Моль, — а так как я направлен к королю Генриху Наваррскому, то и предлагаю не отзываться о нем плохо в моем присутствии.

Хозяин вместо ответа только прикоснулся к своему колпаку и продолжал смотреть нежным взглядом на Коконнаса.

— Стало быть, месье будет разговаривать с великим герцогом Гизом? Какой счастливец вы, месье: вы приехали, конечно, ради?..

— Ради чего? — спросил Коконнас.

— Ради праздника, — ответил хозяин с особенной усмешкой.

— Вернее — ради праздников, поскольку мне говорили, что Париж захлебывается во всяких празднествах; только и слышно о пирах, балах и каруселях. Ведь в Париже много веселятся, а?

— Не очень, месье, по крайней мере, до сегодняшнего дня, — ответил хозяин. — Но я надеюсь, что скоро все повеселятся.

— Все-таки свадьба его величества короля Наваррского привлекла в Париж много народа, — заметил Ла Моль.

— Много гугенотов, это верно, месье, — резко ответил Ла Юрьер, но, спохватившись, добавил: — Ах, простите, может быть, господа — тоже протестанты?

— Это я-то протестант? — воскликнул Коконнас. — Еще что! Я такой же католик, как наш святой отец папа.

Ла Юрьер повернулся в сторону Ла Моля, как бы спрашивая и его; но Ла Моль или не понял его взгляда, или не счел нужным ответить прямо, а спросил сам:

— Если вы, мэтр Ла Юрьер, не знаете его величества короля Наваррского, то, может быть, знаете адмирала? Я слышал, что адмирал пользуется благоволением двора; а так как я ему рекомендован, я бы хотел знать, где он живет, если его адрес не раздерет вам рот.

— Он *жил* на улице Бетизи, отсюда вправо, — ответил хозяин с тайным удовольствием, невольно отразившимся и на его лице.

— То есть как — *жил*? — спросил Ла Моль. — Значит, он переехал?

— Возможно, на тот свет.

— Что значит — «адмирал переехал на тот свет»? — воскликнули разом оба дворянина.

— Как, месье де Коконнас? — продолжал хозяин с хитрой усмешкой. — Вы сторонник Гиза, а не знаете?

— Чего?

— Да того, что третьего дня, когда адмирал шел по площади Сен-Жермен-Л'Озеруа мимо дома каноника Пьера Пиля, в него выстрелили из аркебузы.

— И он убит? — спросил Ла Моль.

— Нет, ему только перебило руку и оторвало два пальца; но есть надежда, что пуля была отравлена.

— Как «есть надежда», негодяй! — воскликнул Ла Моль.

— Я хотел сказать — есть слух; не будем ссориться из-за какого-нибудь слова; я просто оговорился.

И мэтр Ла Юрьер, повернувшись спиной к Ла Молю, многозначительно подмигнул Коконнасу и явно издевательски высунул язык.

— И это правда? — радостно спросил Коконнас.

— Правда? — тихо спросил Ла Моль, убитый горестным известием.

— Все так, как я имел честь сказать вам, — ответил хозяин.

— В таком случае я немедленно отправляюсь в Лувр. Найду я там короля Генриха?

— Вероятно: он там живет.

— Я тоже пойду в Лувр. А найду я там герцога Гиза?

— Возможно: он только что туда проехал, и с ним две сотни дворян.

— Ну что ж, идем, месье Коконнас, — предложил Ла Моль.

— Иду за вами, — ответил Коконнас.

— А ваш ужин, господа дворяне? — спросил мэтр Ла Юрьер.

— Ах да! — вспомнил Ла Моль. — Впрочем, я, может быть, поужинаю у короля Наваррского.

— А я — у герцога Гиза, — сказал Коконнас.

— А я, — сказал хозяин, проводив глазами своих дворян, шагавших по дороге к Лувру, — почищу мою каску, вставлю новый фитиль в аркебузу и наточу свой протазан. Мало ли что случится!

Глава V

В ЧАСТНОСТИ — О ЛУВРЕ, А ВООБЩЕ — О ДОБРОДЕТЕЛИ

Оба дворянина, спросив дорогу у первого встречного, направились по улице Аверон, потом по улице Сен-Жермен-Л'Озеруа и дошли до Лувра уже в то время, как силуэты его башен начинали расплываться в сумерках.

— Что с вами? — спросил Коконнас, когда Ла Моль остановился, со священным трепетом разглядывая представшие его глазам подъемные мосты, узкие вытянутые окна и островерхие шатры на башнях.

— Право, и сам не знаю: у меня вдруг забилось сердце, — ответил Ла Моль. — Я не так уж робок, но почему-то этот дворец мне представляется угрюмым и, сказать правду, страшным.

— А что касается меня, — ответил Коконнас, — не знаю отчего, но я на редкость весел. Вот только наряд у меня неважный, — продолжал он, оглядывая свой дорожный костюм, — но это пустяки! Зато вид бравый. Да и приказом мне вменяется быстрота исполнения. А раз я выполняю его точно, значит, и буду принят хорошо.

И оба молодых человека пошли к Лувру, настроенные по-разному, в зависимости от только что высказанных чувств.

Лувр строго охранялся, и, видимо, количество постов удвоили. Сначала это обстоятельство смутило путешественников. Но Коконнас, уже заметивший, что имя герцога Гиза действует на парижан, как талисман, подошел к одному часовому и, прикрываясь этим всемогущим именем, спросил, нельзя ли через его посредство проникнуть в Лувр.

Это имя, казалось, произвело обычное действие, однако часовой спросил у Коконнаса, знает ли он пароль.

Пьемонтец должен был признаться, что не знает.

— Тогда ступайте прочь, — ответил часовой.

В эту минуту какой-то человек, беседовавший с офицером охраны, но слышавший просьбу Коконнаса, прервал свой разговор и подошел к Коконнасу.

— Што фам укодно от херцог Гиз? — спросил он.

— Мне угодно поговорить с ним, — улыбаясь, ответил Коконнас.

— Невозмошно! Херцог у короля.

— Но я получил письменное уведомление явиться в Париж.

— А-а! У вас есть письменный уведомлений?

— Да, и я приехал издалека.

— А-а! Вы приехал издалека?

— Я из Пьемонта.

— Корошо, корошо! Это другой дело. А ваш имя?

— Граф Аннибал де Коконнас.

— Корошо, корошо! Тайте ваш письмо.

— Честное слово, прелюбезный человек! — сказал Ла Моль, обращаясь к самому себе. — Не посчастливится ли и мне найти такого же, чтобы пройти к королю Наваррскому?

— Так тавайте ваш письмо, — продолжал немецкий дворянин, протягивая руку к Коконнасу, стоявшему в нерешительности.

— Дьявольщина! Я не знаю, имею ли я право... — отвечал пьемонтец, проявляя недоверчивость по своей полуитальянской природе. — Я не имею чести знать вас.

— Я Пэм, я человек херцога Гиз.

— Пэм, — пробормотал Коконнас, — такого имени я не слыхал.

— Это месье Бэм, мой командир, — ответил часовой. — Вас спутало его произношение. Отдайте ему ваше письмо, я за него ручаюсь.

— Ах, месье Бэм! — воскликнул Коконнас — Ну как же мне не знать вас! Ну конечно, с великим удовольствием, — вот мое письмо. Простите мое колебание, но без этого нельзя, если хочешь выполнить свой долг.

— Корошо, корошо, не нато извинять себя.

Ла Моль тоже подошел к немцу и обратился с просьбой:

— Месье, вы так любезны, не возьметесь ли вы передать и мое письмо, как вы это сделали по отношению к моему товарищу?

— Как ваш имя?

— Граф Лерак де Ла Моль.

— Граф Лерак де Ла Моль?

— Да.

— Такой не знаю.

— Не удивительно, что я не имею чести быть вам знаком, я не здешний и так же, как граф Коконнас, приехал только сегодня вечером, и издалека.

— А откуда вы приехал?

— Из Прованса.

— С один письмо?

— Да, с письмом.

— К херцог де Гиз?

— Нет, к его величеству королю Наваррскому.

— Я не служу у короля Наваррского, — крайне холодно ответил Бэм, — я не могу передавать ваш письм.

Бэм отошел от Ла Моля и, войдя в ворота Лувра, сделал знак Коконнасу следовать за собой.

Ла Моль остался в одиночестве.

В ту же минуту из других ворот Лувра выехал отряд всадников, около сотни человек.

— Ага, вот и де Муи со своими гугенотами, — сказал часовой своему товарищу. — Они сияют, король им обещал казнить того, кто стрелял в их адмирала; а так как этот парень убил и отца де Муи, то сын одним ударом отомстит за обоих.

— Простите, — обратился Ла Моль к солдату, — ведь вы, кажется, сказали, что этот командир — месье де Муи?

— Совершенно верно.

— И что сопровождающие — это...

— Нечестивцы, говорю я.

— Благодарю, — ответил Ла Моль, как будто не слыхав презрительного наименования, которым наградил гугенотов часовой. — Мне только это и надо было знать.

И тотчас подошел к командиру всадников.

— Месье, — сказал Ла Моль, — я сейчас узнал, что вы — месье де Муи.

— Да, месье, — учтиво ответил командир.

— Ваше имя, хорошо известное сторонникам протестантской веры, дает мне смелость обратиться к вам с просьбой оказать мне услугу.

— Какую, месье? Но сначала — с кем имею честь говорить?

— С графом Лерак де Ла Моль.

Молодые люди обменялись приветствиями.

— Я слушаю вас, месье, — сказал де Муи.

— Я прибыл из Экса с письмом от д'Ориака, губернатора Прованса. Письмо адресовано королю Наваррскому и заключает в себе важные и спешные известия... Каким образом я мог бы передать это письмо? Как мне пройти в Лувр?

— Пройти-то в Лувр очень легко, — ответил де Муи, — только я боюсь, что король Наваррский сейчас очень занят и не сможет вас принять. Но все равно, если хотите, пойдемте со мной, и я доведу вас до его покоев. Остальное зависит уж от вас.

— Тысячу благодарностей!

— Идите за мной, — сказал де Муи.

Де Муи сошел с лошади, бросил поводья своему лакею, подошел к решетке, назвал себя часовому, провел Ла Моля в замок и, открыв дверь в покои короля Наваррского, сказал:

— Входите и узнайте сами.

Затем поклонился Ла Молю и вышел.

Оставшись в одиночестве, Ла Моль огляделся.

Передняя комната была пуста, одна из внутренних дверей открыта.

Ла Моль сделал несколько шагов и очутился в каком-то коридоре. Он стучал и звал, но никто не отзывался. Полнейшая тишина царила в этой части Лувра.

«А мне еще говорили про строгий этикет! — подумал он. — По этому дворцу можно разгуливать, как по городской площади».

Он позвал еще раз, но с тем же успехом, что и раньше.

«Ну что же, пойдем прямо, — подумал он, — в конце концов встречу же я кого-нибудь».

Ла Моль направился по коридору, все больше погружаясь в темноту, как вдруг в

противоположном конце раскрылась дверь, на пороге появились два пажа с двусвечниками и осветили фигуру выходившей дамы, величавой и замечательно красивой.

Сноп света упал прямо на Ла Моля, который замер на месте.

Дама тоже остановилась, увидав Ла Моля.

— Месье, что вам угодно? — спросила она, и голос ее показался молодому человеку прелестной музыкой.

— О мадам, прошу вас извинить меня, — сказал Ла Моль, потупив взор, — месье де Муи проводил меня сюда и ушел, а я ищу короля Наваррского.

— Его величества здесь нет; мне кажется, он у своего шурина. Но, за его отсутствием, вы разве не могли бы передать королеве...

— Да, конечно, если бы кто-нибудь соблаговолил представить меня ей.

— Вы перед ней, месье.

— Как?! — воскликнул Ла Моль.

— Я королева Наваррская, — ответила Маргарита.

На лице Ла Моля вдруг появилось такое выражение испуга и растерянности, что королева улыбнулась:

— Месье, говорите поскорее, а то меня ждут у королевы-матери.

— О мадам, если вас ждут, то разрешите мне удалиться — сейчас я не в силах говорить. Я не могу собраться с мыслями, — я вами просто ослеплен. Я уже не мыслю, а только любуюсь.

Во всем обаянии прелести и красоты Маргарита подошла к молодому человеку, оказавшемуся, помимо своей воли, придворным утонченным льстецом.

— Месье, придите в себя, — сказала она. — Я подожду, и меня тоже подождут.

— О, простите мне, мадам, что я с самого начала не приветствовал ваше величество со всей почтительностью, какую вы вправе ожидать от одного из ваших покорнейших слуг, но...

— Но, — продолжила Маргарита, — вы приняли меня за одну из моих придворных дам.

— Нет, мадам, за призрак красавицы Дианы де Пуатье. Мне говорили, что он появляется в Лувре.

— Знаете, месье, после этого я за вас не беспокоюсь — вы сделаете карьеру при дворе. Вы говорите, у вас есть письмо для короля? Сейчас вам с ним не увидаться. Но это все равно, где письмо? Я передам... Только, прошу вас, поскорее.

В один миг Ла Моль распустил шнурки у своего колета и вынул из-за пазухи письмо, завернутое в шелк.

Маргарита взяла письмо и прочла надпись.

— Вы месье де Ла Моль? — спросила она.

— Да, мадам. Боже мой! Откуда мне такое счастье, что вашему величеству известно мое имя?

— Я слышала, как его упоминали и король, мой муж, и брат мой, герцог Алансонский. Я знаю, что вас ждут.

Королева спрятала за тугой от вышивок и алмазных украшений свой корсаж письмо, только что лежавшее за колетом молодого человека и еще теплое теплом его груди. Ла Моль жадным взглядом следил за каждым движением Маргариты.

— Теперь, месье, спуститесь в галерею и ждите там, пока к вам не придут от короля Наваррского или герцога Алансонского. Мой паж проводит вас.

Отдав это распоряжение, Маргарита проследовала дальше. Ла Моль встал к стене, но коридор оказался слишком узок, а фижмы королевы Наваррской так широки, что ее шелковое платье коснулось молодого человека, и в то же время аромат крепких духов наполнил все пространство, где она прошла.

Ла Моль вздрогнул всем телом и, чувствуя, что сейчас упадет, прислонился к стене.

Маргарита исчезла, как видение.

— Месье, вы пойдете? — спросил паж, которому было поручено проводить Ла Моля в нижнюю галерею.

— Да, да! — воскликнул Ла Моль восторженно, видя, что паж указывает ру-

кой в том направлении, в каком проследовала королева Маргарита, а он надеялся нагнать ее и еще раз увидеть.

В самом деле, выйдя на лестницу, он заметил королеву, уже спустившуюся в нижний этаж; случайно или на звук шагов Маргарита подняла голову, и он ее увидел еще раз.

— О, это не простая смертная женщина, — прошептал Ла Моль, — а богиня, и, как сказал Вергилий Марон: «Et vera incessu patuit dea»[1].

— Что же вы? — спросил паж.

— Иду, иду, простите, — отвечал Ла Моль.

Паж пошел вперед, спустился в следующий этаж, отворил одну дверь, потом другую и, остановившись на пороге, сказал:

— Ждите здесь.

Ла Моль вошел в галерею, и дверь за ним закрылась.

В галерее было пусто, только какой-то дворянин прогуливался взад и вперед и, видимо, тоже ожидал.

Вечерние тени, спускаясь с высоких сводов, окутывали все предметы таким мраком, что молодые люди на расстоянии каких-нибудь двадцати шагов, отделявших их, не могли разглядеть один другого.

Ла Моль стал приближаться к другому дворянину и, подойдя на несколько шагов, тихо сказал себе:

— Господи помилуй! Ведь это граф Коконнас.

Пьемонтец обернулся на звук шагов и стал разглядывать Ла Моля с неменьшим изумлением.

— Черт меня побери, если это не месье де Ла Моль! Тьфу, что я делаю?! Ругаюсь у короля в доме! А впрочем, и сам король ругается, пожалуй, еще чище, даже в церкви. Значит, мы оба попали в Лувр?

— Как видите; а вас провел Бэм?

— Да! Прелюбезный немец этот Бэм. А кто же провел вас?

— Месье де Муи... Я говорил вам, что гугеноты тоже немало значат при дворе... Что ж, повидали вы герцога Гиза?

— Еще нет... А вы получили аудиенцию у короля Наваррского?

— Нет, но должен получить. Меня провели сюда и сказали подождать.

— Вот увидите, это пахнет парадным ужином, и мы окажемся рядом на этом пиршестве. Действительно, какая игра случая! В течение двух часов судьба все время сводит нас... Но что с вами? Вы словно чем-то озабочены?

— Кто, я? — вздрогнув, спросил Ла Моль, все еще завороженный видением, представшим перед ним. — Нет, но самое место, где мы находимся, вызывает во мне целый сонм размышлений.

— Философических, не правда ли? И у меня тоже. Как раз когда вошли вы, мне приходили на ум все наставления моего учителя. Граф, вы знаете Плутарха?

— Ну как же! — улыбаясь, отвечал Ла Моль. — Это один из самых любимых моих авторов.

— Так вот, по-моему, — серьезно продолжал Коконнас, — этот великий человек не преувеличил, когда сравнил наши природные способности с цветами, ослепительно яркими, но преходящими, тогда как в добродетели он видит растение бальзамическое, с невыдыхающимся ароматом и представляющее собой лучшее лекарство для душевных ран.

— Месье Коконнас, вы разве знаете греческий язык? — спросил Ла Моль, пристально глядя на собеседника.

— Нет, но мой учитель знал, и он-то мне советовал побольше рассуждать о добродетели, если я буду при дворе. Это, говорил он, очень похвально. Так что, предупреждаю вас, — по этой части я хорошо подкован. Кстати, вы не проголодались?

— Нет.

---

[1] Настоящую богиню видно по походке *(лат.)*.

— А мне казалось, что в «Путеводной звезде» вас очень манила курица на вертеле; я лично умираю от истощения.

— Вот вам, месье Коконнас, отличный случай применить к делу ваши доводы в пользу добродетели и доказать ваше преклонение перед Плутархом, ибо этот великий писатель где-то говорит: «Полезно упражнять душу горем, а желудок — голодом» — «Prepon esti tên men psuchên odunê, ton de gastéra semô askeïn».

— Вот как, значит, вы знаете греческий язык? — в полном изумлении воскликнул Коконнас.

— Честное слово, да! — ответил Ла Моль. — Меня мой учитель выучил.

— Дьявольщина! Ваша судьба, граф, обеспечена: вы будете с королем Карлом сочинять стихи, а с королевой Маргаритой говорить по-гречески.

— А еще могу говорить по-гасконски с королем Наваррским, — добавил, смеясь, Ла Моль.

В эту минуту в конце галереи, примыкавшем к покоям короля, отворилась дверь, раздались шаги, и из темноты стала надвигаться чья-то тень. Тень приняла образ человеческого тела, а тело оказалось принадлежащим командиру стражи — Бэму.

Он в упор поглядел на лица обоих молодых людей, чтобы узнать своего, и жестом пригласил Коконнаса следовать за собой. Коконнас сделал рукой прощальный знак Ла Молю, и они расстались.

Бэм провел Коконнаса до конца галереи, отворил дверь, и они очутились на верхней ступеньке какой-то лестницы.

Тут Бэм остановился, посмотрел кругом и спросил:

— Месье де Коконнас, вы где живет?

— В гостинице «Путеводная звезда», на улице Арбр-сек.

— Корошо, корошо! Эта два шаг от сдесь... идить скоро в ваш гостиница и в этот ночь...

Он снова огляделся.

— Так что же в эту ночь? — спросил Коконнас.

— Так в этот ночь, — ответил он шепотом, — ви ходить сюда с белый крест на ваш шляпа. Пароль для пропуск будет — «Гиз». Тсс! Ни звук!

— А в котором часу должен я прийти?

— Когда вы услышить напат.

— Какой «напат»? — спросил Коконнас.

— Ну да, напат: пум! пум! пум!..

— А-а, набат!

— Так я и сказал.

— Хорошо, приду, — ответил Коконнас.

Он попрощался с Бэмом и пошел прочь, рассуждая сам с собой:

«Какого черта все это значит и почему будут бить в набат? Все равно, я остаюсь при своем мнении, что этот Бэм — очаровательный немец. А не подождать ли мне графа де Ла Моль? Нет, не стоит: он, может быть, останется ужинать у короля Наваррского».

И Коконнас пошел прямо на улицу Арбр-сек, куда его тянула, как магнит, вывеска «Путеводной звезды». Пока Бэм беседовал с пьемонтцем, в галерее отворилась другая дверь, со стороны покоев короля Наваррского, и к Ла Молю подошел паж.

— Это вы — граф де Ла Моль? — спросил он.

— Он самый.

— Где вы живете?

— На улице Арбр-сек, в «Путеводной звезде».

— Хорошо, это рядом с Лувром. Слушайте! Его величество просил вам передать, что сейчас ему нельзя принять вас, но, может быть, он этой ночью пошлет за вами. Во всяком случае, если завтра утром вы не получите от него никакого извещения, приходите сюда, в Лувр.

— А если часовой меня не впустит?

— Да, правда... Пароль — «Наварра». Скажите это слово, и перед вами откроются все двери.

— Благодарю!

— Подождите, мне приказано проводить вас до самой железной решетки входа, чтобы вы не заблудились в Лувре.

«Да! А как же Коконнас? — сказал себе Ла Моль, уже выйдя из Лувра. — Впрочем, он останется на ужин у герцога Гиза».

Но первый, кого он увидал, входя к мэтру Ла Юрьер, был Коконнас, уже сидевший за столом перед огромной яичницею с салом.

— Ха, ха, ха! — расхохотался Коконнас. — Видать, вы так же пообедали у короля Наваррского, как я поужинал у герцога Гиза.

— По чести, так!

— И вы проголодались?

— Еще бы.

— Несмотря на Плутарха?

— Граф, у Плутарха есть и другое место, — смеясь, отвечал Ла Моль, — а именно: «Имущий должен делиться с неимущим». Итак, ради любви к Плутарху, не поделитесь ли со мной вашей яичницей, и мы за трапезой побеседуем о добродетели.

— Нет, даю слово, — ответил Коконнас, — все это хорошо в Лувре, когда боишься, что тебя подслушивают, и когда в желудке пусто. Садитесь и давайте ужинать.

— Теперь и я окончательно уверился, что судьба связала нас неразрывно. Вы будете спать здесь?

— Ничего не знаю.

— И я тоже.

— Я хорошо знаю только одно — где я проведу ночь.

— Где?

— Там же, где и вы, это ведь неизбежно.

Оба расхохотались и принялись за яичницу мэтра Ла Юрьер.

Глава VI

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

Теперь если читатель любопытствует, почему король Наваррский не мог принять Ла Моля, почему Коконнас не мог увидеться с Гизом и, наконец, почему оба дворянина, вместо того чтобы поужинать в Лувре дикой козой, фазанами и куропатками, ели яичницу с салом в гостинице «Путеводная звезда», то пусть любезный читатель войдет вместе с нами в старинное жилище королей и последует за Маргаритой Наваррской, которую Ла Моль потерял из виду у входа в большую галерею.

В то время как Маргарита спускалась с лестницы, в кабинете короля находился герцог Гиз, которого она еще не видела со времени своей брачной ночи. Лестница, по которой спускалась Маргарита, выходила в коридор; в этот же коридор вела и дверь из кабинета короля, а коридор упирался в покои королевы-матери, Екатерины Медичи.

Екатерина одна сидела у стола, опершись локтем на раскрытый Часослов и поддерживая голову рукой, замечательно еще красивой благодаря косметикам флорентийца Рене, исполнявшего при королеве-матери две должности — отравителя и парфюмера.

Вдова Генриха II была одета в траур, которого ни разу не снимала со дня смерти своего мужа. В это время ей было года пятьдесят два — пятьдесят три, но благодаря еще свежей полноте Екатерина сохранила черты былой красоты своей молодости. Так же, как и наряд, ее жилище имело вдовий вид. Вся обстановка была мрачной: стены, ткани, мебель. Только по верху балдахина, устроенного над самым королевским креслом, была написана живыми красками радуга, а вокруг нее греческий девиз, сочиненный королем Франциском I: «Phôs plierei ê de kai aithzên», что в переводе значит: «Источник ясности и света». Теперь на этом кресле лежала любимая левретка королевы-матери, подаренная ей зятем, королем Наваррским, и носившая мифологическое имя — Феба.

И вот когда Екатерина Медичи, казалось, всецело погрузилась в думу, вызы-

вавшую ленивую и робкую улыбку на ее устах, подкрашенных кармином, вдруг какой-то мужчина открыл дверь, приподнял портьеру и, высунув из-за нее свое бледное лицо, сказал:

— Дело плохо.

Екатерина приподняла голову и увидала герцога Гиза.

— Как, дело плохо?! — ответила она. — Что это значит?

— Это значит, что король больше, чем когда-либо, околпачен своими проклятыми гугенотами, и если мы станем ждать его отъезда, чтобы осуществить наш замысел, то нам придется ждать еще долго, может быть, всю нашу жизнь.

— Что же случилось? — спросила Екатерина с обычным выражением спокойствия на своем лице, хотя при случае умела придавать ему совсем другие выражения.

— Я только что был у короля и в двадцатый раз завел с ним разговор о том, долго ли нам терпеть все выходки, которые позволяют себе эти господа из новой церкви со дня ранения их адмирала.

— Что же ответил вам мой сын?

— Он ответил: «Герцог, народ, конечно, подозревает, что вы вдохновитель покушения на жизнь адмирала, второго моего отца; защищайтесь, как хотите. А я и сам сумею защититься, если оскорбят меня...» С этими словами он повернулся ко мне спиной и отправился кормить ужином своих собак.

— И вы не попытались удержать его?

— Пытался, но король, бросив на меня взгляд, свойственный одному ему, ответил хорошо вам известным тоном: «Герцог, собаки мои проголодались, а они не люди, и я не могу заставлять их ждать...» После чего я пошел предупредить вас.

— И хорошо сделали, — ответила Екатерина.

— Но что нам предпринять?

— Сделать последнюю попытку.

— А кто сделает ее?

— Я. Король один?

— Нет, у него Таван.

— Подождите меня здесь. Нет, лучше следуйте за мной, но издали.

Екатерина тотчас встала и направилась в комнату, где любимые борзые короля лежали на турецких коврах и бархатных подушках. На жердочках, прикрепленных к стене, сидели два или три отборных сокола и небольшая пустельга, которой Карл IX любил травить мелких птичек в садах Лувра и строящегося Тюильри.

По дороге королева-мать придала своему бледному лицу выражение тоскливой грусти, украсив его якобы последней, еще не высохшей слезой, а на самом деле первой и единственной.

Она бесшумно подошла к Карлу IX, раздававшему собакам остатки пирога, нарезанного ровными ломтями.

— Сын мой! — обратилась к нему Екатерина с дрожью в голосе, так хорошо наигранной, что король невольно вздрогнул.

— Мадам, что с вами? — спросил король, быстро обернувшись.

— Сын мой, я прошу вашего разрешения уехать в один из ваших замков, все равно какой, лишь бы он был подальше от Парижа.

— А по какой причине, мадам? — спросил Карл IX, пристально глядя на нее своим стеклянным взором, который в других случаях бывал проникновенным.

— По той причине, что с каждым днем меня все больше оскорбляют эти люди из новой церкви, и потому, что еще сегодня я слышала, как гугеноты грозили лично вам здесь, в самом Лувре, а я не хочу быть свидетельницей такого рода сцен.

— Но ведь кто-то хотел убить их адмирала, — ответил Карл IX голосом, в котором звучала искренняя убежденность. — Какой-то мерзавец уже лишил этих бедных людей их мужественного де Муи. Клянусь жизнью, матушка! В королевстве должно быть правосудие!

— О, не беспокойтесь, сын мой, — ответила Екатерина, — они не останутся без правосудия: если откажете в нем вы, то они сами совершат его по-своему: сегодня убьют Гиза, завтра меня, а потом и вас.

— Вот что! — ответил Карл IX, и в его голосе впервые послышалась нотка подозрения. — Вы так думаете?

— Ах, сын мой, — продолжала Екатерина, всецело отдаваясь бурному течению своих мыслей, — неужели вы не понимаете, что дело не в смерти Франсуа Гиза или адмирала, не в протестантской или католической религии, а в том, чтобы сына Генриха Второго заменить сыном Антуана Бурбона.

— Ну, ну, матушка, вы опять впадаете в свойственные вам преувеличения, — ответил Карл.

— Каково же ваше мнение, мой сын?!

— Выжидать, матушка, выжидать! В этом — вся человеческая мудрость. Самый великий, самый сильный, самый ловкий — тот, кто умеет ждать.

— Ждите, но я ждать не стану.

С этими словами Екатерина сделала реверанс, подошла к двери и хотела идти в свои покои, но Карл остановил ее, сказав:

— В конце концов, что я могу сделать?! Прежде всего я справедлив и хочу, чтобы все были мной довольны.

Екатерина вернулась и сказала Тавану, все это время ласкавшему королевскую пустельгу:

— Граф, подойдите к нам и выскажите королю ваше мнение о том, что надо делать.

— Ваше величество, разрешите? — спросил граф.

— Говори, Таван, говори.

— Ваше величество, как поступаете вы на охоте, если на вас бросается кабан?

— Черт возьми! Я его напускаю на себя и всаживаю ему в глотку свою рогатину.

— И только для того, чтоб он вас не ранил, — заметила Екатерина.

— И ради наслаждения, — ответил король с таким вздохом, который свидетельствовал об удальстве, легко переходившем в зверство. — Но убивать своих подданных мне не доставило бы наслаждения, а гугеноты такие же мои подданные, как и католики.

— Тогда, сир, — ответила Екатерина, — ваши подданные — гугеноты поступят как кабан, которому не всадили рогатины в горло: они вам вспорют ваш трон.

— Ба! Это, матушка, так думаете вы, — ответил король, показывая всем своим видом, что он не очень верит предсказаниям своей матери.

— Разве вы не видели сегодня де Муи и всех его приспешников?

— Конечно, видел, раз я пришел сюда от них. А разве он требовал чего-нибудь несправедливого? Он просил меня казнить убийцу его отца, злоумышлявшего и на жизнь адмирала. Разве мы не наказали Монгомери за смерть вашего супруга, а моего отца, хотя его смерть — просто несчастный случай?

— Хорошо, сир, бросим этот разговор, — ответила задетая за живое королева-мать. — Сам Господь Бог хранит ваше величество, даруя вам силу, мудрость и уверенность; а я, бедная женщина, оставленная Богом, конечно за мои грехи, страшусь и покоряюсь.

И, сделав еще раз реверанс, она дала знак герцогу Гизу, вошедшему к королю во время разговора, чтобы он занял ее место и сделал последнюю попытку.

Карл IX проводил глазами свою мать, но не позвал ее назад; затем он начал ласкать собак, насвистывая охотничью песню.

Вдруг он прервал свое занятие и сказал:

— У моей матери настоящий королевский ум: у нее нет ни колебаний, ни сомнений. Не угодно ли — взять да убить несколько дюжин гугенотов за то, что они явились просить о правосудии! В конце концов, разве это не их право?

— Несколько дюжин, — тихо повторил герцог Гиз.

— А-а, вы здесь, герцог! — сказал король, сделав вид, что только сейчас его увидел. — Да, несколько дюжин; не велика убыль! Вот если бы кто-нибудь пришел ко мне и сказал: «Сир, вы разом будете избавлены от всех врагов, и завтра не останется из них ни одного, который мог бы упрекнуть вас за смерть всех остальных», — ну, тогда другое дело!

— Сир... — начал герцог Гиз.

— Таван, оставьте Марго, посадите ее на жердочку, — прервал герцога король, — она носит имя моей сестры, королевы Наваррской, но это еще не причина, чтобы все ее ласкали.

Таван посадил пустельгу на жердочку и занялся борзой собакой.

— Сир, — снова заговорил герцог Гиз, — так если бы вашему величеству сказали: «Ваше величество, завтра вы будете избавлены от всех ваших врагов...»

— Предстательством какого же святого свершится это чудо?

— Сир, сегодня двадцать четвертое августа, праздник святого Варфоломея, — следовательно, его предстательством все и совершится.

— Превосходный святой — пошел на то, что с него заживо содрали кожу! — ответил король.

— Тем лучше! Чем больше его мучили, тем больше у него должно быть злобы против своих мучителей.

— И это вы, кузен мой, вы, вашей шпажонкой с золотым эфесом, перебьете сегодня за ночь десять тысяч гугенотов? Ха-ха-ха! Клянусь смертью, ну и забавник вы, месье де Гиз!

И король расхохотался, но хохот был неестественный и прокатился по комнате каким-то зловещим эхом.

— Сир, одно слово, только одно! — убеждал герцог, затрепетав от этого смеха, звучавшего нечеловечески. — Один ваш знак, все уже готово. У меня есть швейцарцы, тысяча сто дворян, легкая конница и горожане; у вашего величества — личная охрана, друзья и католическая знать... Нас двадцать против одного.

— Так что же, мой кузен, раз вы так сильны, какого же черта вы приходите жужжать мне об этом в уши? Пробуйте, пробуйте, но без меня.

И король отвернулся к своим собакам. Портьера приподнялась, из-за нее показалась голова Екатерины.

— Все хорошо, — шепнула она Гизу, — настаивайте, и он уступит.

И портьера снова опустилась, но король этого не заметил или сделал вид, что не заметил.

— Поистине, кузен мой Генрих, вы пристаете ко мне с ножом к горлу; но, черт возьми, я не поддамся! Разве я не король?

— Пока нет, сир; но вы будете им завтра, если захотите.

— Ах, вот как! Значит, убьют и короля Наваррского, и принца Конде... у меня в Лувре!.. Фуй! — Затем король чуть слышно добавил: — За его стенами — другое дело.

— Сир! — воскликнул герцог Гиз. — Сегодня вечером они идут кутить вместе с вашим братом, герцогом Алансонским.

— Таван, — сказал король с прекрасно наигранным раздражением, — неужели вы не видите, что злите мою собаку! Идем, Актеон, идем!

И, не желая больше слушать, Карл ушел к себе, оставив Тавана и герцога Гиза почти в прежней неизвестности.

В это же время у Екатерины Медичи разыгрывалась другая сцена; посоветовав герцогу Гизу держаться твердо, Екатерина вернулась в свои покои, где застала всех лиц, обычно присутствовавших при отходе ее ко сну. Она пришла от короля уже с другим выражением лица, не мрачным, как было при ее уходе, а веселым; очень любезно отпустила одного за другим своих придворных дам и кавалеров; и вскоре у нее осталась лишь королева Маргарита, которая, задумавшись, сидела у открытого окна, глядя на небо.

Уже два или три раза, оставаясь наедине с дочерью, королева-мать приоткрывала губы, чтобы заговорить, и каждый раз мрачная мысль останавливала в ее груди слова, готовые сорваться.

В это время портьера на двери приподнялась, и вошел Генрих Наваррский. Екатерина вздрогнула.

— Это вы, мой сын? Разве вы ужинаете в Лувре?

— Нет, мадам, герцог Алансонский, принц Конде и я идем шататься по городу. Я был почти уверен, что застану их здесь, любезничающих с вами.

Екатерина улыбнулась.

— Ну что ж, идите, идите... Какие счастливцы мужчины, что могут ходить куда угодно... Правда, дочь моя?

— Да, правда; как прекрасна и заманчива свобода, — ответила Маргарита.

— Вы хотите сказать, мадам, что я стесняю вашу свободу? — сказал Генрих, склоняясь перед женой.

— Нет, месье: я болею не за себя, а за положение женщины вообще.

— Сын мой, вы, может быть, увидитесь и с адмиралом? — спросила королева-мать.

— Может быть, да.

— Пойдите к нему, это послужит примером для других; а завтра вы мне расскажете, что с ним.

— Раз вы, мадам, одобряете этот поступок, я, разумеется, зайду к нему.

— Я ничего не одобряю... Кто там еще? Не пускайте, но пускайте!

Генрих уже пошел к двери, чтобы исполнить приказание Екатерины, но в это мгновение портьера приподнялась и показалась белокурая головка мадам де Сов.

— Мадам, это парфюмер Рене: ваше величество приказали ему прийти.

Екатерина бросила мгновенный взгляд на Генриха.

Услыхав имя убийцы своей матери, юный король слегка покраснел, а затем почти сейчас же смертельно побледнел. Он сообразил, что лицо выдает его волнение, отошел к окну и прислонился к подоконнику.

Маленькая левретка залаяла, и в тот же миг вошли двое: тот, о ком доложили, и дама, не нуждавшаяся в докладе.

Первым вошел парфюмер Рене с вкрадчивой учтивостью флорентийских слуг; в руках он нес ящик с открытой крышкой, перегороженный на отделения, где стояли флаконы и коробки с пудрой.

За ним следовала старшая сестра Маргариты, герцогиня Лотарингская. Она вошла в потайную дверь, сообщавшуюся с кабинетом короля, дрожа всем телом, бледная как смерть. Герцогиня надеялась, что королева-мать, занявшись вместе с мадам де Сов осмотром того, что было в принесенном ящике, не заметит ее прихода, и села рядом с Маргаритой, около которой стоял король Наваррский, прикрыв лоб рукой, в позе человека, приходящего в себя от головокружения. Но Екатерина обернулась и сказала Маргарите:

— Дочь моя, вы можете идти к себе. А вы, мой сын, идите развлекаться в город.

Маргарита встала; Генрих тоже собрался уходить.

Герцогиня Лотарингская схватила Маргариту за руку.

— Сестра, — заговорила она торопливым шепотом, — от имени герцога Гиза, который хочет спасти вам жизнь за то, что вы спасли его, — не ходите к себе, останьтесь здесь!

— Вы что говорите, Клод? — спросила Екатерина, оборачиваясь к дочери.

— Ничего, мама.

— Вы что-то сказали Маргарите шепотом.

— Я только пожелала ей доброй ночи и передала сердечный привет от герцогини Невэрской.

— А где сейчас эта красавица герцогиня?

— У своего деверя, герцога Гиза.

Екатерина подозрительно глянула на обеих сестер и нахмурилась.

— Клод, подойди ко мне! — приказала она дочери.

Клод подошла, и Екатерина взяла ее за руку.

— Что вы ей сказали?.. Болтунья! — проворчала королева-мать, стиснув до боли руку дочери.

Генрих хотя не слышал слов, но хорошо заметил немую игру, происходившую между Екатериной, Клод и Маргаритой, и, обращаясь к своей жене, сказал:

— Мадам, окажите мне честь и разрешите поцеловать вам руку.

Маргарита протянула ему свою трепещущую руку.

— Что она сказала? — прошептал он, наклоняя голову к руке жены.

— Не выходить из Лувра. Заклинаю вас небом, не выходите и вы.

Эти слова сверкнули молнией, и, несмотря на мгновенность ее вспышки, Генрих увидел целый заговор.

— Еще не все, — сказала Маргарита, — вот вам письмо, которое привез один провансальский дворянин.

— Ла Моль?

— Да.

— Спасибо, — сказал Генрих, взяв письмо и спрятав его за колет.

И, отходя от своей растерянной жены, он хлопнул флорентийца по плечу.

— Ну как идет ваша торговля, мэтр Рене? — спросил Генрих.

— Неплохо, ваше величество, неплохо, — ответил отравитель с предательской улыбкой.

— Еще бы, когда состоишь поставщиком почти всех коронованных особ Франции и чужих земель, — сказал король Наваррский.

— Кроме короля Наваррского, — нагло ответил флорентиец.

— Святая пятница! Вы правы, мэтр Рене; а ведь бедная мать моя, ваша покупательница, умирая, рекомендовала вас, мэтр Рене, моему вниманию. Зайдите ко мне завтра или послезавтра и принесите ваши лучшие парфюмерные изделия.

— Это не вызовет косых взглядов, — с улыбкой заметила Екатерина, — говорят, что...

— У меня карман тощий, — смеясь, ответил Генрих. — Кто вам сказал об этом, матушка? Уж не Марго ли?

— Нет, сын мой, мадам де Сов.

В эту минуту герцогиня Лотарингская, несмотря на все свои усилия, все-таки не могла сдержать себя и разрыдалась. Генрих Наваррский даже не обернулся.

— Сестра, что с вами? — воскликнула Маргарита и бросилась к сестре.

— Пустяки, — сказала Екатерина, становясь между двумя молодыми женщинами, — пустяки; у нее бывают нервные припадки, и врач Мазилло советовал лечить ее благовониями. — И Екатерина еще сильнее, чем в первый раз, сжала руку старшей дочери; затем, обернувшись к младшей, сказала: — Марго, вы разве не слыхали, что я предложила вам идти к себе? Если этого недостаточно, то я повелеваю вам.

— Простите меня, мадам, — ответила бледная, трепещущая Маргарита, — желаю доброй ночи вашему величеству.

— Надеюсь, что ваше пожелание исполнится. До свидания, до свидания.

Маргарита старалась, но напрасно, уловить взгляд своего мужа, — он даже не повернулся в ее сторону, и Маргарита вышла, едва удерживаясь на ногах.

Наступило молчание. Екатерина устремила пронизывающий взор на герцогиню Лотарингскую, которая смотрела на мать, не говоря ни слова, и умоляюще сжимала свои руки.

Генрих стоял спиной к ним, но наблюдал всю сцену в зеркало, делая вид, что помадит усы помадой, преподнесенной ему услужливым Рене.

— А вы, Генрих, не раздумали идти в город? — спросила Екатерина.

— Ах да, правда! — воскликнул король Наваррский. — Честное слово, я совсем забыл, что меня ждут герцог Алансонский и принц Конде; это все из-за этих замечательных духов, они одурманили меня и отбили память. До свидания, мадам.

— До свидания! А завтра вы известите меня о здоровье адмирала, да?

— Не премину, мадам. Ну, Феба, что с тобой?

— Феба! — сердито крикнула Екатерина.

— Отзовите ее, мадам, а то она не хочет выпускать меня.

Королева-мать встала, взяла собаку за ошейник и держала, пока не вышел Генрих, а уходил он с таким веселым и спокойным выражением лица, как будто в глубине души не чувствовал нависшую над ним смертельную опасность.

Собачка, отпущенная Екатериной, бросилась вслед за ним, но дверь уже за-

крылась; тогда Феба просунула свою длинную мордочку под портьеру и жалобно завыла.

— Теперь, Карлотта, — сказала баронессе де Сов Екатерина, — сходите за Гизом и Таваном — они в моей молельне; вернитесь с ними и побудьте с герцогиней Лотарингской, у нее опять головокружение.

Глава VII

НОЧЬ 24 АВГУСТА 1572 ГОДА

Так как в гостинице «Путеводная звезда» жареные куры существовали только на вывеске, то Ла Моль и Коконнас быстро закончили свой скудный ужин; Коконнас повернул на одной ножке свой стул в четверть оборота, вытянул ноги, оперся локтем о стол и, допивая последний стакан вина, спросил:

— Месье Ла Моль, вы намерены теперь же идти спать?

— По правде говоря, очень хочется поспать, а то как бы не пришли за мной ночью.

— И за мной тоже, — ответил Коконнас, — но, мне думается, лучше не ложиться и не заставлять ждать тех, кто пришлет за нами, а попросить карты и провести это время за игрой. Таким образом, когда придут за нами, мы будем уже готовы.

— Я с удовольствием принял бы ваше предложение, но для игры у меня слишком мало денег; едва ли наберется сто золотых экю; да и те — все мое богатство. С ним я должен теперь устраивать свою судьбу.

— Сто экю золотом! — воскликнул Коконнас — И вы еще плачетесь! Дьявольщина! У меня всего-навсего шесть.

— Рассказывайте! — возразил Ла Моль. — Я видел, как вы вынимали из кармана кошелек, он был не только полон, а, можно сказать, битком набит.

— А! Эти деньги, — сказал Коконнас, — пойдут в уплату давнишнего долга одному старому другу моего отца, — как я подозреваю, тоже гугеноту, вроде вас. Да, тут сто ноблей с розой, — заявил Коконнас, хлопнув себя по карману, — но эти нобли принадлежат мэтру Меркандон; моя же личная собственность состоит, как я сказал, из шести экю.

— Какая ж тут игра?

— А вот потому, что денег мало, я и хотел сыграть. Кроме того, мне пришла в голову одна мысль.

— А именно?

— Мы оба приехали в Париж с одной и той же целью.

— Да.

— У каждого из нас есть могущественный покровитель.

— Да.

— Я могу положиться на своего так же, как вы на вашего.

— Да.

— Вот мне и пришла в голову мысль, — сначала сыграть на деньги, а потом на первую благостыню, которую получим от двора или от возлюбленной.

— Действительно, хорошо придумано! — заметил, смеясь, Ла Моль. — Но, признаюсь, я не такой страстный игрок, чтобы ставить всю свою жизнь в зависимость от карт или очков в кости, потому что первая благостыня, полученная вами или мной, вероятно, определит течение всей нашей жизни.

— Хорошо! Оставим первую благостыню от двора и будем играть на первую благостыню от возлюбленной.

— Есть одно препятствие, — возразил Ла Моль.

— А именно?

— У меня нет никакой возлюбленной.

— И у меня тоже, но я рассчитываю быстро обзавестись ею. Слава богу, мы не так скроены, чтобы страдать от недостатка в женщинах.

— Вы-то, месье Коконнас, конечно, не будете терпеть в них недостатка; я же не так уверен в своей звезде любви и боюсь обокрасть вас, поставив против вашего заклада свой. Давайте играть на ваши шесть экю, а если вы, на ваше горе, их проиграете и захотите продолжать игру, то вы ведь дворянин, и ваше слово равноценно золоту.

— Ну и отлично! Вот это разговор! — воскликнул Коконнас. — Вы совершенно правы; слово дворянина равноценно золоту, особенно если этот дворянин пользуется доверием двора. Поэтому не думайте, что я слишком зарываюсь, играя с вами на первую благостыню, которую я, наверно, получу.

— Да, вы-то можете проиграть ее, но я-то ее выиграть не могу, потому что я служу королю Наваррскому и ничего не могу получить от герцога Гиза.

— Ага, еретик! Я сразу тебя почуял, — пробурчал хозяин, начищая старую каску. И, прервав свою работу, перекрестился.

— Вот как, — сказал Коконнас, мешая карты, принесенные слугой, — значит, вы...

— Что?

— Протестант.

— Я?

— Да.

— Ну, предположим, что это так, — ответил, усмехнувшись, Ла Моль. — Вы что-нибудь имеете против нас?

— О, слава богу — нет. Мне все равно. Я от всей души ненавижу гугенотскую мораль, но не самих гугенотов, а кроме того, они теперь в чести.

— Да, — ответил с улыбкой Ла Моль, — доказательство этому — салют из аркебузы адмиралу! Не доиграемся ли и мы до выстрелов?

— До чего угодно, — ответил Коконнас, — мне лишь бы играть, а там все равно — на что.

— Ну что ж, давайте играть, — сказал Ла Моль, собирая и тасуя карты.

— Да, играйте не сомневаясь; даже если я проиграю сто экю против ста ваших, завтра же утром я найду, чем заплатить.

— Значит, вы разбогатеете во сне?

— Нет, я пойду и найду деньги.

— Скажите, где? Я пойду с вами!

— В Лувре.

— Разве вы пойдете туда сегодня ночью?

— Да, в эту ночь у меня будет особая аудиенция у великого герцога Гиза.

Еще когда Коконнас заявил, что пойдет за деньгами в Лувр, Ла Юрьер бросил чистить каску и встал за стулом Ла Моля так, что его мог видеть один Коконнас, и начал делать ему знаки из-за спины Ла Моля, но пьемонтец их не замечал, поглощенный игрой и разговором.

— Да это просто сверхъестественно! — сказал Ла Моль. — Вы были правы, говоря, что мы родились под одной звездой. У меня тоже свидание в Лувре этой ночью, но только не с герцогом Гизом, а с королем Наваррским.

— А вы знаете пароль?

— Да.

— А сигнал для сбора?

— Нет.

— Ну, а я знаю. У меня пароль...

Говоря эти слова, пьемонтец поднял голову, и в тот же миг Ла Юрьер сделал ему знак до такой степени выразительный, что болтливый дворянин сразу оборвал речь, остолбенев от этой мимики гораздо больше, чем от потери ставки в три экю. Ла Моль, заметив состояние партнера по его лицу, обернулся, но не увидел ничего, кроме хозяина, стоявшего позади него со скрещенными на груди руками и в той каске, которую чистил Ла Юрьер за минуту перед тем.

— Что с вами? — спросил Ла Моль Коконнаса.

Коконнас молча поглядывал то на хозяина, то на партнера, так как не мог понять, в чем дело, несмотря на новые жесты мэтра Ла Юрьер.

Ла Юрьер смекнул, что необходима его помощь.

— Штука в том, что я сам любитель игры в карты, — сказал он Ла Молю, — я и подошел взглянуть на ваш ход, которым вы выиграли, а граф вдруг увидал на голове простого горожанина боевой шлем, ну и удивился.

— Действительно, хороша фигура! — воскликнул Ла Моль, заливаясь смехом.

— Эх, месье! — сказал Ла Юрьер, хорошо разыгрывая добродушие и пожимая плечами в сознании своего ничтожества. — Конечно, мы не вояки, и нет в нас настоящей выправки. Это хорошо вам, бравым дворянам, сверкать золочеными касками да тонкими рапирами, а наше дело — отбыть свое время в карауле.

— Так, так! — сказал Ла Моль, тасуя, в свою очередь, карты. — Вы разве ходите в караул?

— Да, граф, приходится! Я ведь сержант в одном отряде городской милиции, — сказал Ла Юрьер и, пока Ла Моль сдавал карты, тихонько удалился, приложив палец к губам, как указание совершенно растерявшемуся Коконнасу, чтоб он не проболтался.

Необходимость быть настороже повела к тому, что Коконнас проиграл вторую ставку так же быстро, как и первую.

— Ну вот и все ваши шесть экю! Хотите отыграться в счет ваших будущих благ?

— С удовольствием, — ответил Коконнас, — с удовольствием.

— Но прежде, чем продолжать игру, я хотел напомнить вам: ведь вы говорили, что у вас назначено свидание с герцогом Гизом?

Коконнас поглядел на кухню, где стоял Ла Юрьер, и увидал, что трактирщик смотрит на него во все глаза, делая все то же предупреждение.

— Да, — ответил Коконнас, — но теперь еще не время. Поговорим лучше о вас, месье Ла Моль.

— А по-моему, мой дорогой Коконнас, поговорим лучше об игре, а то, если не ошибаюсь, я сейчас выиграл у вас еще шесть экю.

— Дьявольщина! Верно!.. Мне всегда говорили, что гугенотам везет в игре. У меня большое желание стать гугенотом, черт меня подери!

Глаза хозяина загорелись, как уголья, но Коконнас, всецело занятый игрой, не заметил этого.

— Переходите к нам, граф, переходите, — сказал Ла Моль, — и хотя желание стать гугенотом пришло к вам путем очень своеобразным, вы будете хорошо приняты у нас.

Коконнас почесал за ухом.

— Будь я уверен, что везенье в картах зависит от религии, то ручаюсь вам... ведь я в конце концов не так уж сильно держусь за мессу, а раз и король не очень дорожит ею...

— А кроме того, протестантское исповедание — прекрасное исповедание: оно так просто, чисто...

— И к тому же в моде, — добавил Коконнас, — да еще приносит в игре счастье; ведь, черт меня подери, все тузы у вас; а между тем с самого начала, как мы взяли карты в руки, я следил за вами: вы играете честно, не передергиваете... Это не иначе, как от протестантской веры.

— Вы задолжали мне еще шесть экю, — спокойно заметил Ла Моль.

— Ах, как вы искушаете меня! — сказал Коконнас. — И если этой ночью я останусь недоволен герцогом Гизом...

— Тогда что?

— Тогда я завтра попрошу вас представить меня королю Наваррскому; и будьте покойны, уж если я стану гугенотом, то буду им больше, чем Лютер, Кальвин, Меланхтон и все реформаторы на свете.

— Тсс! Вы поссоритесь с нашим хозяином, — сказал Ла Моль.

— Да, правда, — согласился Коконнас, взглянув на кухню. — Нет, он нас не слышит, он сейчас очень занят.

— А что он делает? — спросил Ла Моль, не видя хозяина со своего места.

— Он разговаривает с... Черт меня подери! Это он!

— Кто — он?

— Та самая ночная птица, с которой он разговаривал, когда мы подъехали к гостинице, — человек в желтом колете и в темно-коричневом плаще. Дьявольщина! Да еще как увлекся! Эй! Мэтр Ла Юрьер! Не политический ли разговор у вас?

Но на этот раз мэтр Ла Юрьер ответил таким повелительно-энергичным жестом, что Коконнас, несмотря на свое пристрастие к картам, встал с места и пошел к нему.

— Что с вами? — спросил Ла Моль.

— Вам нужно вина, граф? — спросил Ла Юрьер, быстро хватая Коконнаса за руку. — Сейчас подадут. Грегуар! Вина господам дворянам!

Потом в самое ухо прошептал:

— Молчите! Молчите, или смерть вам! И спровадьте куда-нибудь вашего товарища.

Ла Юрьер был так бледен, а желтый человек так мрачен, что Коконнас почувствовал дрожь в теле и, обернувшись к Ла Молю, сказал ему:

— Дорогой месье Ла Моль, прошу извинить меня: я за один присест проиграл пятьдесят экю; мне сегодня не везет, и я боюсь зарваться.

— Отлично, месье, отлично, как вам угодно. Кроме того, я с удовольствием прилягу хоть на минуту. Мэтр Ла Юрьер!

— Что угодно, граф?

— Разбудите меня, если за мной придут от короля Наваррского. Я лягу не раздеваясь, чтобы в любую минуту быть готовым.

— Я сделаю то же, — сказал Коконнас, — а чтобы его светлости не ждать меня ни минуты, я теперь же сделаю себе значок. Мэтр Ла Юрьер, дайте мне ножницы и белой бумаги.

— Грегуар! — крикнул Ла Юрьер. — Белой бумаги для письма и ножницы, чтобы сделать конверт!

— Положительно, — сказал пьемонтец, — здесь готовится что-то чрезвычайное.

— Доброй ночи, месье Коконнас! — сказал Ла Моль. — А вы, хозяин, будьте любезны показать мне мою комнату. Желаю вам успеха, мой новый друг!

И Ла Моль в сопровождении хозяина ушел по винтовой лестнице наверх. Тогда таинственный человек схватил Коконнаса за локоть, подтащил к себе и торопливо заговорил:

— Месье, сто раз вы чуть не выдали тайну, от которой зависит судьба королевства. Еще бы одно слово, и я пристрелил бы вас из аркебузы. К счастью, теперь мы одни, так слушайте.

— Но кто вы такой, что говорите со мной повелительным тоном? — спросил Коконнас.

— Вам приходилось слышать о некоем Морвеле?

— Убийце адмирала?

— И капитана де Муи.

— Да, конечно.

— Так этот Морвель — я.

— Та-та-та! — произнес Коконнас.

— Слушайте же.

— Дьявольщина! Надо думать, что я вас слушаю.

— Тсс! — прошипел Морвель, поднося палец ко рту.

Коконнас прислушался: было слышно, как хозяин захлопнул дверь в какой-то комнате, запер дверь в коридоре на засов и стремительно сбежал с лестницы.

Вернувшись к двум собеседникам, он подал стул Коконнасу и стул Морвелю, взял третий себе и сказал:

— Месье Морвель, все заперто, можете говорить.

На колокольне Сен-Жермен-Л'Озеруа пробило одиннадцать часов вечера. Морвель считал один за другим удары, раздававшиеся в ночи гулко и уныло, и когда по-

следний удар замер в воздухе, сказал, обращаясь к Коконнасу, совершенно взбудораженному теми предосторожностями, которые принимали эти два человека:

— Месье, вы добрый католик?

— Ну конечно, — ответил Коконнас.

— Месье, вы преданы королю?

— Душой и телом. Я даже считаю оскорблением, что вы мне предлагаете такой вопрос.

— Из-за этого не будем ссориться; а вы пойдете с нами?

— Куда?

— Это все равно. Предоставьте себя нам. От этого зависит и ваше благосостояние, и ваша жизнь.

— Предупреждаю вас, что в полночь у меня есть дело в Лувре.

— Туда мы и идем.

— Меня ждет герцог Гиз.

— Нас тоже.

— У меня особый пароль для входа, — продолжал Коконнас, считая обидным для себя делить честь своего приема у герцога вместе с каким-то Морвелем и мэтром Ла Юрьер.

— У нас тоже.

— Но у меня особый опознавательный знак.

Морвель улыбнулся, вытащил из-за пазухи пригоршню крестов из белой материи, дал один Ла Юрьеру, один Коконнасу и один взял себе. Ла Юрьер прикрепил свой к шлему, а Морвель к шляпе.

— Вот как! — удивился Коконнас. — Значит, и свидание, и пароль, и знак — для всех?

— Да, месье, лучше сказать — для всех верных католиков.

— Стало быть, в Лувре — торжество, королевский банкет, да? — воскликнул Коконнас. — И на него не хотят пускать этих собак гугенотов? Хорошо! Здорово! Замечательно! Довольно с них, покрасовались!

— Да, в Лувре торжество, королевский банкет, — ответил Морвель, — в нем будут участвовать и гугеноты. Больше того — они-то и будут героями дня, они же и заплатят за банкет; так если вы хотите быть на нашей стороне, мы начнем с того, что пойдем приглашать их главного бойца, или, как они говорят, — их Гедеона.

— Адмирала? — воскликнул Коконнас.

— Да, старика Гаспара, по которому я промахнулся, как дурень, хотя стрелял из аркебузы самого короля.

— Вот почему, дорогой дворянин, я чистил свой шлем, вострил шпагу и точил ножи, — шипящим голосом сказал мэтр Ла Юрьер.

Коконнас вздрогнул и побледнел от этих сообщений, начиная понимать, в чем дело.

— Как?.. Это правда? — воскликнул Коконнас — Так это торжество, этот банкет... значит...

— Вы очень недогадливы, месье, — сказал Морвель, — сразу видно, что вам не надоела, как нам, наглость этих еретиков.

— Ага! Вы взялись пойти к адмиралу и...

Морвель улыбнулся и подвел Коконнаса к окну.

— Взгляните туда, — сказал он, — видите в конце улицы, на маленькой площади за церковью, отряд людей, который выстраивается в темноте?

— Да.

— У всех этих людей на шляпе такой же белый крест, как у мэтра Ла Юрьер, у вас и у меня.

— И что же?

— А то, что это отряд швейцарцев из западных кантонов, а вы знаете, что эти господа из западных кантонов — королевские благожелатели.

— Та-та-та! — произнес Коконнас.

— Теперь посмотрите, вон там, по набережной, движется отряд кавалерии; разве вы не узнаете его начальника?

— Как же я могу узнать его? Ведь я приехал в Париж только сегодня вечером!

— Так это тот самый человек, с кем вы должны увидеться в полночь в Лувре.

— Герцог Гиз?

— Он самый. А сопровождают его бывший купеческий старшина Марсель и теперешний старшина Шорон. Оба они должны выставить свои отряды горожан. А вот идет по нашей улице и командир здешнего квартала; приглядитесь, что он будет делать.

— Он стучит во все двери. А что такое на дверях, в которые он стучит?

— Белый крест, молодой человек; такой же, как у нас на шляпах. Прежде, бывало, предоставляли Богу отмечать своих и чужих; теперь мы стали вежливее и избавляем его от этого труда.

— Да, куда он ни постучит, всюду отворяется дверь и выходят вооруженные горожане.

— Он постучится и к нам, и мы тоже выйдем.

— Но подымать столько народа, чтобы убить одного старика гугенота, это... дьявольщина! Это позор! Это достойно разбойников, а не солдат, — возразил Коконнас.

— Молодой человек, — отвечал Морвель, — если вам не нравится иметь дело со стариками, вы можете выбрать себе молодых; гугеноты не такие люди, что дадут себя резать без сопротивления, и, как вам известно, они все, старые и молодые, очень живучи.

— Так вы собираетесь перебить их всех?! — воскликнул Коконнас.

— Всех.

— По приказу короля?

— Короля и герцога Гиза.

— И когда же?

— Как только забьют в набат на колокольне Сен-Жермен-Л'Озеруа.

— Ах, вот почему этот милый немец, служащий у герцога Гиза... как бишь его имя?

— Месье Бэм?

— Верно. Вот почему он мне сказал, чтобы я бежал в Лувр по первому удару набата.

— Вы, значит, видели месье Бэма?

— И видел, и говорил с ним.

— Где?

— В Лувре. Он меня и провел туда, сказал пароль и...

— Взгляните.

— Дьявольщина! Да это он!

— Хотите с ним поговорить?

— И даже не без удовольствия.

Морвель тихонько открыл окно. В самом деле, шел Бэм и с ним человек двадцать горожан.

— Гиз и Лотарингия! — произнес Морвель.

Бэм обернулся и, сообразив, что обращались к нему, подошел.

— А-а, это вы, мессир Морфель.

— Да, я; кого вы ищете?

— Я ищу гостиниц «Путеводный звезда», чтоп предупредить некой монсир Коконнас.

— Это я, месье Бэм! — ответил молодой человек.

— А-а! Корошо! Очень корошо!.. Вы готов?

— Да. Что надо делать?

— Што вам будет сказать мессир Морфель. Он допрый католик.

— Слышали? — спросил Морвель.

— Да, — ответил Коконнас — А куда идете вы, месье Бэм?

— Я? — смеясь, переспросил Бэм.

— Да, вы.

— Я иду сказать словешко атмиралу.

— Скажите ему два, на всякий случай, — посоветовал Морвель, — тогда, если он оправится от первого, то уж не встанет от второго.

— Бутте покоен, мессир Морфель, бутте покоен и дрессируйте мне корошо этот молодой шеловэк.

— Да, да, не беспокойтесь, все Коконнасы по своей породе хорошие охотничьи собаки и чуткие ищейки.

— Прошшайте.

— Идите.

— А вы?

— Начинайте охоту, а мы подоспеем к самой травле.

Бэм отошел, и Морвель затворил окно.

— Слышали, молодой человек? — спросил Морвель. — Если у вас есть личный враг, даже если он и не совсем гугенот, занесите его в список, — между другими пройдет и он.

Коконнас, совершенно ошеломленный тем, что видел и слышал, посматривал то на хозяина, принимавшего грозные позы, то на Морвеля, который спокойно вынимал из кармана какую-то бумагу.

— Что касается меня, — сказал Морвель, — вот мой список: триста человек. Пусть каждый добрый католик сделает в эту ночь десятую долю той работы, какую сделаю я, и завтра не будет ни одного гугенота во всем королевстве!

— Тсс! — произнес Ла Юрьер.

— Что? — в один голос спросили Коконнас и Морвель.

На Сен-Жермен-Л'Озеруа раздался первый удар набата.

— Сигнал! — воскликнул Морвель. — Значит, начинают раньше? Мне сказали, что только в полночь... Тем лучше! Для славы Бога и короля лучше, когда часы не отстают, а идут вперед.

Действительно, зловеще раздавались частые удары церковного колокола. Вскоре грянул и первый ружейный выстрел, и почти сейчас же свет нескольких факелов вспыхнул молнией на улице Арбр-сек.

Коконнас отер рукой выступивший на лбу пот.

— Началось, пошли! — крикнул Морвель.

— Стойте! Стойте! — сказал хозяин. — Прежде чем выступать в поход, надо, как говорят на войне, обезопасить свои квартиры. Я не хочу, чтобы зарезали мою жену и детей, пока меня не будет дома: здесь остается гугенот.

— Ла Моль?! — воскликнул Коконнас, отшатнувшись.

— Да! Нечестивец попал в пасть волку.

— Как? Вы нападете на собственного постояльца? — спросил Коконнас.

— Для этого я и оттачивал свою рапиру.

— Ну, ну! — произнес пьемонтец, хмуря брови.

— До сих пор я резал только кроликов, кур да уток и ни разу — человека, даже не знаю, как это делается, — ответил почтенный трактирщик. — Вот я и поупражняюсь на постояльце. Если я это сделаю коряво — по крайности некому будет смеяться надо мной.

— Дьявольщина! Это жестоко! — вознегодовал Коконнас. — Месье де Ла Моль ужинал со мной, месье де Ла Моль играл со мною в карты.

— Но месье де Ла Моль — еретик, — ответил Морвель. — Месье де Ла Моль обречен, и если не убьем его мы, его убьют другие.

— Не говоря уже о том, что он выиграл у вас пятьдесят экю, — добавил хозяин.

— Верно, — ответил Коконнас, — но выиграл честно, я в этом уверен.

— Честно или нет, а платить придется; если же я убью его — вы будете в расчете.

— Ну, ну, господа, поторапливайтесь! — сказал Морвель. — Стреляйте из аркебузы, колите рапирой, стукните его молотком, кистенем, чем хотите, только кончайте с ним скорее, если хотите исполнить ваше обещание и прийти вовремя к адмиралу на помощь герцогу Гизу.

Коконнас тяжело вздохнул.

— Сейчас сбегаю к нему, — сказал Ла Юрьер, — подождите меня.

— Дьявольщина! — воскликнул Коконнас. — Он еще причинит страдания несчастному юноше, а может быть, и обворует. Я пойду, чтобы, в случае чего, прикончить его сразу и не дать обворовать.

Движимый этой благородной мыслью, Коконнас бросился по лестнице вслед за мэтром Ла Юрьер и быстро догнал его, так как Ла Юрьер, поднимаясь по лестнице, все больше начинал раздумывать и соответственно замедлять свои шаги. В ту минуту, как он и следовавший за ним Коконнас подходили к двери в комнату Ла Моля, раздались выстрелы на улице. Слышно было, как Ла Моль вскочил с кровати и под его ногами заскрипели половицы.

— Черт! — пробурчал встревоженный Ла Юрьер. — Видать, он проснулся.

— Как будто так, — ответил Коконнас.

— Он будет защищаться, а?

— Он такой, что может. Послушайте, мэтр Ла Юрьер, вот будет штука, если он вас убьет.

— Гм! Гм! — протянул Ла Юрьер.

Но, чувствуя в руках хорошую аркебузу, он набрался духа и сильным ударом ноги распахнул дверь.

Ла Моль без шляпы, но одетый, стоял, загородив себя кроватью, в руках у него были пистолеты, в зубах — шпага.

— Та-та-та! — произнес Коконнас, раздувая ноздри, как хищное животное, почуявшее кровь. — Дело-то становится занятным, мэтр Ла Юрьер. Ну, что же вы? Вперед!

— А-а! Как видно, меня собираются убить! — крикнул Ла Моль. — И это ты, мерзавец?

Мэтр Ла Юрьер ответил тем, что приложил аркебузу к плечу и стал целиться в молодого человека. Но Ла Моль следил за его движениями: в самый момент выстрела он упал на колени, и пуля пролетела у него над головой.

— Ко мне, ко мне, месье Коконнас! — крикнул Ла Моль.

— Ко мне, ко мне, месье Морвель! — кричал Ла Юрьер.

— Честное слово, месье де Ла Моль, — ответил Коконнас, — все, что я могу сделать в этом случае, это не выступать против вас лично. По-видимому, сегодня ночью избивают всех гугенотов именем короля. Выпутывайтесь сами, как умеете.

— А-а! Предатели! Убийцы! Вот как! Ну, подождите!

И Ла Моль, прицелившись из пистолета, нажал собачку. Ла Юрьер, все время наблюдавший за ним, отскочил в сторону; но Коконнас, не ожидая такого ответа, остался стоять на месте, и пуля задела ему плечо.

— Дьявольщина! — крикнул он, заскрежетав зубами. — Принимаю вызов; померяемся силой, раз ты хочешь.

И, обнажив свою рапиру, он бросился на Ла Моля.

Будь они один на один, Ла Моль, конечно, принял бы вызов, но за спиною Коконнаса стоял мэтр Ла Юрьер, снова заряжавший аркебузу, а кроме того, Морвель уже спешил на зов трактирщика, взбегая по лестнице через две ступеньки. Поэтому Ла Моль скрылся в смежный отдельный кабинет и заперся там на задвижку.

— Ах, прохвост! — крикнул Коконнас, стуча в дверь эфесом шпаги. — Ну, подожди, я тебе наделаю сейчас столько дыр в теле, сколько ты выиграл у меня экю! Я-то пришел к тебе, чтобы тебя не мучили, не обокрали, а ты отплачиваешь за это пулею в плечо! Погоди, мозгляк! Погоди!

В это время мэтр Ла Юрьер подошел к двери кабинета и, ударив в нее прикладом аркебузы, разбил дверь в щепы.

Коконнас влетел в комнату, но чуть не ткнулся носом в стену: в кабинете было пусто, а окно открыто.

— Он, наверно, выпрыгнул в окно, — сказал трактирщик. — Но это пятый этаж, и он разбился насмерть.

— Или удрал на соседнюю крышу, — сказал Коконнас, перелезая через подо-

конник и собираясь преследовать Ла Моля по скользкому и крутому скату крыши. Но Морвель и Ла Юрьер бросились к нему и втащили его обратно в комнату.

— Вы с ума сошли? — крикнули они в один голос. — Вы убьетесь.

— Вот еще! — ответил Коконнас — Я горец, лазил и по ледникам. А если меня еще оскорбили, так я за оскорбителем полезу хоть на небо или спущусь в ад, какой бы дорогой он ни отправился туда. Пустите меня!

— Послушайте, — сказал Морвель, — или он уже мертв, или уже далеко. Идемте с нами; не беда, если этот ускользнул от вас, так вы найдете тысячу других.

— Вы правы, — прорычал Коконнас. — Смерть гугенотам! Мне необходимо отомстить за себя, и чем скорее, тем лучше.

Все трое скатились с лестницы, как лавина.

— К адмиралу! — крикнул Морвель.

— К адмиралу! — повторил Ла Юрьер.

— К адмиралу так к адмиралу, — согласился Коконнас.

Оставив «Путеводную звезду» на попечение Грегуара и прочих слуг, все трое выскочили из дома и побежали на улицу Бетизи, где находилось жилище адмирала; яркое пламя и грохот выстрелов указывали направление.

— Кто это там идет? — спросил Коконнас. — Какой-то человек без колета и без перевязи.

— А это кто-нибудь спасается, — сказал Морвель.

— Ну же, ну! У вас аркебуза, — крикнул ему Коконнас.

— Нет, ни за что; я берегу порох для лучшей дичи.

— Тогда вы, Ла Юрьер!

— Подождите, подождите! — сказал трактирщик, прицеливаясь.

— Ждать? Вот еще! — крикнул Коконнас. — Пока вы ждете, он убежит.

Он кинулся за несчастным и вскоре настиг его, так как беглец был ранен. Чтобы не наносить удара в спину, Коконнас крикнул ему: «Обернись, обернись!» Но в тот же миг раздался выстрел, мимо ушей Коконнаса просвистела пуля, и беглец покатился по земле, как заяц, настигнутый на всем бегу выстрелом охотника.

Позади Коконнаса раздался торжествующий крик; пьемонтец обернулся и увидал трактирщика, потрясавшего своим оружием.

— Ага! На этот раз почин сделан.

— Да, но вы чуть не прострелили меня насквозь.

— Берегитесь! Берегитесь! — крикнул Ла Юрьер.

Коконнас отскочил назад. Раненный пулей незнакомец приподнялся на одно колено и, горя местью, хотел ударить Коконнаса кинжалом, но трактирщик вовремя предостерег пьемонтца.

— Ах, гадина! — прорычал Коконнас, набросился на своего врага, три раза вонзил ему в грудь шпагу по самую рукоять и, оставив его биться в предсмертных судорогах, крикнул: — А теперь к адмиралу, к адмиралу!

— Эге, дорогой мой дворянин, вы, кажется, входите во вкус, — сказал Морвель.

— Да, — ответил Коконнас. — Запах ли пороха пьянит меня, или вид крови так волнует, но меня тянет убивать. Это своего рода облава на людей. До сих пор я так охотился только на волков и медведей, но, честное слово, облава на людей мне кажется гораздо интереснее!

И все трое побежали к адмиралу.

Глава VIII

БОЙНЯ

Дом, отведенный адмиралу, стоял, как мы сказали, на улице Бетизи. Он представлял собой большое здание в глубине двора, выходившее двумя крыльями на улицу. Ворота и две калитки в каменной ограде, отделявшей дом от улицы, вели во двор.

Когда три наших гизовца выбежали на улицу Бетизи, служившую продолжением

улицы Фосе-Сен-Жермен-Л'Озеруа, они увидели, что дом адмирала окружен швейцарской стражей, солдатами и вооруженными горожанами. В руках у них мелькали пики, шпаги или аркебузы, а некоторые в свободной руке держали факелы и освещали эту сцену погребальным колеблющимся светом, который, следуя движениям факелоносцев, то падал на мостовую, то полз по стенам вверх, то пробегал по этому живому морю, где каждый предмет вооружения отсвечивал своим особым блеском. Вокруг, на близлежащих улицах — Тиршап, Этьен и Бертен-Пуаре, — свершалось страшное дело. Слышались пронзительные крики, громыхали выстрелы, и время от времени какой-нибудь несчастный гугенот, бледный, окровавленный, полуголый, большими прыжками, как преследуемая лань, вбегал в зловещий световой круг, где, точно демоны, метались люди.

Через минуту Коконнас, Морвель и Ла Юрьер, встреченные, по их белым крестам, громкими приветствиями, очутились в самой гуще толпы, тяжело дышавшей и тесно сомкнутой, как стая гончих. Они, конечно, не пробрались бы сквозь нее, но многие, узнав Морвеля, дали ему дорогу. Коконнас и Ла Юрьер протиснулись вслед за ним, и все трое очутились во дворе, так как ворота и две калитки были выломаны. Посреди двора стоял человек на пустом пространстве, почтительно освобожденном для него убийцами; он опирался на обнаженную рапиру и не сводил глаз с балкона, выступавшего перед стеклянной дверью в центре здания на высоте около пятнадцати футов от земли. Этот человек нетерпеливо притопывал ногой и время от времени оборачивался, чтобы задать вопрос стоявшим ближе к нему людям.

— Все нет! — сказал он. — Никого!.. Наверно, его предупредили, и он бежал. Дю Гаст, как думаете?

— Это невозможно, ваша светлость.

— Почему? Вы же мне сами говорили, что за минуту до нашего прихода какой-то человек без шляпы, с обнаженной шпагой в руке, бежавший, точно от погони, постучал в ворота и его впустили.

— Верно, ваша светлость! Но почти сейчас же вслед за ним пришел Бэм, ворота были выломаны, а дом окружен. Человек действительно вошел, но выйти он не мог никак.

— Эге! Если не ошибаюсь, ведь это герцог Гиз? — спросил Коконнас мэтра Ла Юрьер.

— Он самый. Да, великий Генрих Гиз собственной персоной, и он, наверно, дожидается, когда выйдет адмирал, чтобы разделаться с ним так же, как адмирал разделался с его отцом. Каждому свой черед, а сегодня, слава богу, пришел наш.

— Эй! Бэм! Эй! — громко крикнул герцог. — Неужели еще не кончили?

И концом своей тоже нетерпеливой шпаги он высек искры из каменной мостовой двора.

В доме послышались какие-то крики, затем выстрелы, сильный топот и звяканье оружия. Потом все разом стихло.

Герцог рванулся к дому.

— Ваша светлость, ваша светлость! — сказал Дю Гаст, останавливая герцога. — Ваше достоинство требует, чтоб вы остались здесь и ждали.

— Ты прав, Дю Гаст! Спасибо! Я подожду. Но, правду говоря, я умираю от нетерпения и беспокойства. А вдруг он улизнул!

Теперь топот ног в доме стал слышнее, и на оконных стеклах второго этажа заиграли красные отблески, как при пожаре.

Стеклянная дверь, не один раз привлекавшая взоры герцога, распахнулась или, вернее, разлетелась вдребезги, и на балконе появился человек; лицо его было бледно, шея залита кровью.

— Бэм! Наконец-то! — крикнул герцог. — Ну что? Что?

— Сдесь! Фот! Фот! — спокойно ответил немец, затем нагнулся, и через несколько секунд стал напряженно разгибаться, видимо приподнимая какую-то большую тяжесть.

— А где остальные, где остальные? — нетерпеливо спросил герцог.

— Оздальные кончают оздальных.

— А ты что делаешь?

— Сейчас увидите; отойтить назат немношко.

Герцог сделал шаг назад.

В эту минуту стало видно и то, что немец с таким усилием подтягивал к себе.

Это было тело старика.

Бэм поднял его над перилами балкона, раскачал в воздухе и бросил к ногам своего хозяина.

Глухой звук падения, кровь, хлынувшая из тела и широко обрызгавшая мостовую, ужаснули всех, не исключая герцога; но чувство ужаса длилось недолго, уступив место любопытству, — все присутствующие подались на несколько шагов вперед, и дрожащий свет факела упал на жертву. Стали видны и седая борода, и строгое почтенное лицо, и руки, застывшие в смертной неподвижности.

— Адмирал! — вскрикнули разом двадцать голосов и разом смолкли.

— Да, адмирал, это он! — сказал герцог, подойдя к телу и с затаенной радостью разглядывая своего врага.

— Адмирал! Адмирал! — вполголоса повторяли свидетели этой жуткой сцены, сбившись в кучу и робко приближаясь к великому поверженному старцу.

— Ага, Гаспар! Вот ты наконец! — торжествующе произнес герцог Гиз. — Ты велел убить моего отца, теперь я мщу тебе!

И он дерзко поставил ногу на грудь протестантского героя.

В тот же миг глаза умирающего с трудом открылись, простреленная, залитая кровью рука его сжалась в последний раз, и, оставаясь все так же недвижимым, адмирал ответил замогильным голосом:

— Генрих Гиз, настанет час, когда и ты почувствуешь на своей груди ногу твоего убийцы. Я не убивал твоего отца. Будь проклят!

Герцог вздрогнул, побледнел, и ледяной холодок пробежал по его телу; он провел рукой по лбу, как бы отгоняя от себя мрачное видение, затем опустил руку и решился еще раз взглянуть на адмирала, но глаза убитого уже закрылись, рука лежала неподвижно, а вместо ужасных слов изо рта хлынула черная кровь, заливая седую бороду.

Герцог с какой-то отчаянной решимостью взмахнул шпагой.

— Итак, монсир, фы доволен? — спросил его Бэм.

— Да, да, мой храбрый Бэм! — ответил Гиз. — Ты отомстил...

— За херцог Франсуа, да?

— За религию, — упавшим голосом ответил Гиз. — А теперь, — продолжал он, обращаясь к швейцарцам, солдатам и горожанам, заполнившим улицу и двор, — за дело, друзья мои, за дело!

— Здравствуйте, месье Бэм, — сказал Коконнас, с чувством восхищения подходя к немцу, все еще стоявшему на балконе и спокойно вытиравшему свою шпагу.

— Так это вы спровадили его на тот свет? — восторженно крикнул ему Ла Юрьер. — Как это удалось вам, достопочтенный месье Бэм?

— О-о! Ошень просто, ошень просто! Он слыхал шум, отворял свой тверь, я протыкал его мой рапир. Но это еще не все, я думай, Телиньи еще стоит за себя, я слышу, как он кричит.

Действительно, в эту минуту донесся из дому отчаянный, как будто женский вопль. Показались фигуры двух бежавших мужчин, которых преследовала целая вереница убийц. Одного мужчину убили выстрелом из аркебузы; другой добежал до открытого окна и, не обращая внимания ни на высоту, ни на врагов, ждавших его внизу, бесстрашно прыгнул во двор.

— Бей! Бей! — закричали преследователи, видя, что жертва может ускользнуть.

Прыгнувший человек поднялся на ноги, подобрал шпагу, выпавшую у него из рук при падении, бросился стремглав сквозь толпу, сбил трех или четырех с ног, проткнул кого-то шпагой и среди треска пистолетных выстрелов и ругани промахнувшихся по нем солдат мелькнул, как молния, мимо Коконнаса, с кинжалом в руке поджидавшего у ворот.

— Есть! — крикнул пьемонтец, проколов беглецу предплечье тонким, острым клинком кинжала.

В узком пролете ворот невозможно было колоть шпагой, и бежавший человек только хлестнул клинком по лицу врага, крикнув ему:

— Подлец!

— Тысяча чертей! Месье де Ла Моль! — воскликнул Коконнас.

— Месье де Ла Моль! — повторили Морвель и Ла Юрьер.

— Он и предупредил адмирала! — закричало несколько солдат.

— Бей! Бей! — вопили со всех сторон.

Коконнас, Ла Юрьер и человек десять солдат бросились за Ла Молем, а он, покрытый кровью, охваченный тем возбуждением, которое доводит до предела жизненные силы человека, мчался по улицам, руководясь одним инстинктом. Топот ног и крики гнавшихся за ним врагов подстегивали и как бы окрыляли беглеца. Минутами ему хотелось бежать тише, но свистнувшая рядом пуля вновь заставляла его ускорить бег. Он уже не просто вдыхал и выдыхал воздух, а из его груди вырывались глухое клокотанье и хриплый свист. Капли крови, сочившейся из головы, смешивались с потом и заливали его красивое лицо. Узкий колет все больше стеснял биение сердца — Ла Моль сорвал с себя колет и бросил. Вскоре и шпага оказалась слишком тяжелой для его руки — он отшвырнул и шпагу. Порой казалось, что топот врагов его как будто отдалялся и что ему удастся уйти от этих палачей; но крики их долетали до других убийц, находившихся поблизости, и, бросив свою кровавую работу, они бежали вслед за ним. Наконец слева от себя Ла Моль увидел спокойно текущую реку и вдруг почувствовал, что если он бросится в нее, как загнанный олень, то испытает неизъяснимое блаженство, и только крайним напряжением ума и воли он удержал себя от этого. А справа возвышался Лувр, мрачный, неколебимый, но полный глухих, зловещих звуков. Через подъемный мост взад и вперед сновали люди в шлемах, латах, сверкавших холодным отблеском луны. Ла Моль подумал о короле Наваррском, так же как он подумал и о Колиньи, — своих двух верных покровителях. Он собрал остатки сил, взглянул на небо, давая про себя обет стать католиком, если спасется, уловкой выиграл шагов тридцать расстояния у гнавшей его стаи, свернул к Лувру, бросился на подъемный мост, смешался с кучей солдат, получил новый удар кинжалом, скользнувшим, к счастью, лишь по ребрам, и, несмотря на крики: «Бей! Бей!», раздававшиеся со всех сторон, несмотря на готовых к бою часовых, стрелой промчался во двор Лувра, прыгнул в подъезд, взбежал по лестнице на третий этаж и, прислонившись к знакомой ему двери, начал стучать в нее руками и ногами.

— Кто там? — тихо спросил женский голос.

Ла Моль вспомнил пароль и крикнул:

— Наварра! Наварра!

Дверь тотчас отворилась. Ла Моль, не благодаря и даже не заметив Жийону, ворвался в вестибюль, пробежал коридор, Две или три комнаты и попал в спальню, освещенную лампой, свисавшей с потолка.

В кровати из резного дуба за бархатным, расшитым золотыми лилиями пологом лежала полуобнаженная женщина и, опершись на локоть, смотрела на него расширенными от ужаса глазами.

Ла Моль подбежал к лежавшей даме:

— Мадам! Там бьют, там режут моих собратьев! Они хотят зарезать и меня... Ах! Вы королева... спасите же меня!

Он бросился к ее ногам, оставив на ковре широкий кровавый след.

Видя перед собою человека на коленях, растерзанного, бледного, королева Наваррская приподнялась и, в страхе закрыв лицо руками, начала звать на помощь.

— Мадам, во имя Бога, не зовите! — говорил Ла Моль, пытаясь встать. — Если вас услышат, я пропал! Убийцы гнались за мной уже по лестнице. Я их слышу... вот они! Вот!

— На помощь! — кричала королева Наваррская, вне себя. — На помощь!

— Ах! Вы убиваете меня! — с отчаянием сказал Ла Моль. — Умирать от звука

такого чарующего голоса, умирать от такой прекрасной руки! О! Не думал я, что это может быть!

В ту же минуту дверь отворилась, и толпа людей, запыхавшихся, разъяренных, с лицами, испачканными порохом и кровью, со шпагами, аркебузами и алебардами, ворвалась в комнату. Во главе их — Коконнас, с рыжими всклокоченными волосами, с расширенными неестественно глазами и кровавым рубцом во всю щеку, нанесенным шпагою Ла Моля, — пьемонтец был просто страшен в таком виде.

— Дьявольщина! Вот он, вот он! А-а, наконец-то попался! — кричал Коконнас.

Ла Моль попытался найти какое-нибудь оружие, но безуспешно. Он посмотрел на королеву и на лице ее заметил выражение глубокой жалости. Тогда он понял, что только она одна могла б его спасти, метнулся к ней и ее обнял.

Коконнас выступил на три шага вперед и концом длинной рапиры нанес вторую рану в правое плечо своему врагу; несколько капель красной теплой крови оросили белые душистые простыни на постели наваррской королевы.

Маргарита, увидев кровь и чувствуя содрогания прижавшегося к ней человека, бросилась вместе с ним в проход между кроватью и стеной. И вовремя: Ла Моль совершенно изнемог, он был не в состоянии сделать шага — ни для того, чтобы бежать, ни для того, чтобы защищаться. Он склонил голову на плечо молодой женщины и судорожно цеплялся за нее пальцами, раздирая тонкий вышитый батист, облекавший, точно волнистым газом, тело Маргариты.

— Мадам! Спасите! — пролепетал он замирающим голосом.

Больше сказать он ничего уже не мог. Взор его затуманился, будто подернутый предсмертной дымкой, голова бессильно запрокинулась назад, руки разжались, ноги подогнулись, и он упал на пол в лужу своей крови, увлекая вслед за собой и королеву.

Коконнас, возбужденный криками, опьяненный запахом крови, ожесточенный горячей долгой травлей, протянул руку к королевскому алькову. Одно мгновение — и он пронзил бы сердце Ла Моля, а может быть, и сердце королевы.

При виде обнаженного клинка, а еще больше при виде этой невероятной наглости дочь французских королей выпрямилась во весь свой рост и вскрикнула, но в этом страшном крике было столько негодования и яростного гнева, что пьемонтец застыл на месте под властью ему неведомого чувства. Конечно, если б эта сцена продлилась в составе тех же действующих лиц, то и его чувство растаяло бы так же быстро, как снег в апреле под лучами солнца.

Но дверь, скрытая в стене, вдруг распахнулась, и в комнату вбежал юноша лет семнадцати, бледный, с растрепанной прической, одетый в черное.

— Сестра, не бойся, не бойся! Я здесь! Я здесь! — крикнул он.

— Франсуа! Франсуа! На помощь! — закричала Маргарита.

— Герцог Алансонский! — прошептал Ла Юрьер, опуская аркебузу.

— Дьявольщина! Брат короля! — пробурчал Коконнас, отступая.

Герцог Алансонский поглядел вокруг.

Маргарита с распущенными волосами, более красивая, чем обычно, стояла, прислонясь к стене, одна среди мужчин, а в их глазах светилась ярость, по лбу струился пот и губы покрывала пена.

— Мерзавцы! — крикнул герцог.

— Спасите меня, брат! — сказала Маргарита, теряя силы. — Они хотят меня убить.

Бледное лицо герцога вдруг вспыхнуло. С ним не было оружия, но, полагаясь на свое звание, он, судорожно сжав кулаки, стал наступать на Коконнаса и его товарищей, а они в страхе отступали перед его сверкавшими, как молнии, глазами.

— Может быть, вы убьете и брата короля? Ну-ка!

Они продолжали отступать.

— Эй, капитан моей охраны! — крикнул он. — Сюда! И перевешайте всех этих разбойников!

Испуганный гораздо больше видом этого безоружного юноши, чем целым отрядом рейтаров или ландскнехтов, Коконнас уже допятился до двери. Ла Юрьер с

быстротой оленя умчался вниз по лестнице, а солдаты теснились и толкались в вестибюле, так как размеры двери не соответствовали их страстному желанию покинуть поскорее стены Лувра.

Маргарита инстинктивно набросила на молодого человека, лежавшего без чувств, свое камчатное одеяло и отошла прочь.

Когда последний убийца исчез за дверью, герцог Алансонский обернулся и, увидав, что вся одежда Маргариты в кровавых пятнах, воскликнул:

— Сестра, ты ранена?

Он кинулся к сестре с такой тревогой, какая сделала бы честь братской его нежности, если бы в этом порыве не сказывалось чувство сильнее братского.

— Нет, не думаю, — ответила сестра, — а если и ранена, то легко.

— Но на тебе кровь, — говорил герцог, ощупывая дрожащими руками тело Маргариты, — откуда же она?

— Не знаю. Один из этих негодяев схватил меня — возможно, он был ранен.

— Схватить мою сестру! — воскликнул герцог. — О, если бы ты указала мне его, если бы ты сказала мне, какой он из себя, — лишь бы мне его найти!

— Тсс! — произнесла Маргарита.

— Почему? — спросил Франсуа.

— А потому что, если вас увидят в этой комнате и в такой час...

— Разве брат не может зайти к своей сестре?

Королева взглянула на герцога Алансонского таким твердым и грозным взглядом, что юноша отошел подальше.

— Да, да, Маргарита, ты права, — лучше я пойду к себе. Но тебе нельзя оставаться одной в такую ночь. Хочешь, я позову Жийону?

— Нет, нет, не надо никого; ступай, Франсуа, ступай тем же ходом, каким пришел.

Юный принц вышел. Едва успела закрыться за ним дверь, как в проходе за кроватью раздался вздох; Маргарита кинулась к потайной двери, заперла ее на засов, затем побежала к входной двери и заперла ее в ту самую минуту, когда по другому концу коридора несся, как ураган, большой отряд стрелков, преследуя гугенотов, живших в Лувре.

Королева пристально оглядела все кругом и, убедившись, что она действительно одна, вернулась к проходу за своей кроватью, положила на место камчатное одеяло, скрывшее Ла Моля от глаз герцога Алансонского, с трудом вытащила бессильное тело на середину комнаты; заметив, что бедняга еще дышит, она присела на пол, положила голову молодого человека себе на колени и плеснула ему водой в лицо, чтобы привести в чувство.

Вода очистила лицо раненого от слоя пыли, пороховой копоти и крови, и только теперь Маргарита узнала в нем того красивого дворянина, который, полный жизни и надежд, три или четыре часа тому назад явился к ней просить ее посредничества перед королем Наваррским и расстался с ней, ослепленный ее красотой, да и на нее произвел большое впечатление.

Маргарита вскрикнула от страха за него, чувствуя теперь к нему не только сострадание, но и участие; для нее он стал не просто какой-то человек, а почти знакомый. Под ее заботливой рукой сделалось чистым красивое, но бледное, истомленное страданием лицо Ла Моля.

Маргарита, замирая от боязни, почти такая же бледная, как он, приложила руку к его сердцу, — оно еще билось; тогда она протянула руку к стоявшему рядом столику, взяла флакончик с нюхательной солью и дала ее понюхать Ла Молю.

Ла Моль открыл глаза.

— О! Господи! — прошептал он. — Где я?

— Вы спасены! Успокойтесь! — ответила Маргарита.

Ла Моль с трудом перевел глаза на королеву и, поглядев на нее восхищенным взглядом, чуть слышно произнес:

— Какая вы красавица!

Молодой человек, точно ослепленный, сразу опустил веки, тяжело вздохнул и

побледнел как будто больше прежнего. Маргарита тихо вскрикнула, думая, что это был его последний вздох.

— Боже, Боже, сжалься над ним! — сказала она.

В эту минуту раздался сильный стук в дверь из коридора.

Маргарита слегка приподнялась, продолжая поддерживать за плечи Ла Моля.

— Кто там? — крикнула она.

— Мадам, мадам, это я, я! — ответил женский голос. — Я, герцогиня Невэрская.

— Анриетта! — воскликнула королева. — Это не опасно, это друг, вы слышите, месье?

Ла Моль сделал усилие и приподнялся на одно колено.

— Постарайтесь не упасть, покамест я отворю дверь, — сказала королева.

Ла Моль оперся рукой об пол, чтоб удержаться в равновесии.

Маргарита пошла было к двери, но вдруг остановилась, задрожав от страха.

— Так ты не одна? — воскликнула она, услыхав звякание оружия.

— Нет, со мной двенадцать человек охраны; мне дал их мой деверь, герцог Гиз.

— Герцог Гиз! — прошептал Ла Моль. — О! Убийца! Убийца!

— Тсс! Ни слова! — сказала Маргарита и поглядела вокруг себя, придумывая, куда бы спрятать раненого.

— Шпагу!.. Кинжал! — шептал Ла Моль.

— Для защиты? Это бесполезно; разве вы не слышали, что их двенадцать, а вы — один.

— Не для защиты, а чтобы не даться живым им в руки.

— Нет, нет, я вас спасу, — сказала Маргарита. — Да... кабинет! Идем, идем!

Ла Моль напряг все силы и при поддержке Маргариты дотащился до кабинета. Маргарита заперла за ним дверь и спрятала ключ в свой кошелек.

— Ни крика, ни стона, ни вздоха — и вы спасены! — сказала она ему сквозь дверь.

Затем она набросила на плечи ночной халат, открыла дверь своей подруге, и обе бросились в объятия друг к другу.

— Мадам, с вами не приключилось ничего плохого? — спросила герцогиня Невэрская.

— Нет, ничего, — ответила Маргарита, запахнув свой халат, чтобы не видно было следов крови на пеньюаре.

— Тем лучше! Но герцог Гиз отрядил двенадцать телохранителей, чтобы проводить меня до его дома, а мне такая большая свита не нужна, и я оставлю шестерых вам, на всякий случай. В такую ночь шесть телохранителей герцога Гиза стоят целого полка королевской гвардии.

Маргарита не решилась отказаться; она расставила шестерых телохранителей по коридору, расцеловалась с герцогиней, а герцогиня в сопровождении других шести отправилась в дом Гиза, где она жила, пока был в отъезде ее муж.

Глава IX

ПАЛАЧИ

Удаляясь из покоев королевы Наваррской, Коконнас не бежал, а «произвел отступление». Что же касается Ла Юрьера, то он даже не сбежал, а со всех ног удрал. Первый удалился, как тигр, второй — как волк.

Таким образом, Ла Юрьер уже стоял на площади Сен-Жермен-Л'Озеруа, когда Коконнас еще только выходил из Лувра. Ла Юрьер, очутившись с аркебузой среди людей, бегавших туда-сюда по площади, где свистели пули, а из окон все время выбрасывали трупы, то целые, то изрезанные в куски, почувствовал непреодолимый страх и стал благоразумно пробираться к своему трактиру; но, выходя

из переулка Аверон на улицу Арбр-сек, он наткнулся на отряд швейцарцев и легкой конницы, которым командовал Морвель.

— Вы что ж, уже закончили? — крикнул Морвель, сам придумавший себе прозвище — «Королевский Истребитель». — Вы уже домой? А какого черта вы сделали с нашим пьемонтским дворянином? С ним не случилось ничего плохого? Было бы жаль: он вел себя отлично.

— По-моему, нет, — ответил Ла Юрьер, — надеюсь, он еще придет к нам.

— Вы откуда?

— Из Лувра, где, надо сказать, нас встретили неласково!

— Кто же?

— Герцог Алансонский. Разве он не причастен к нашему делу?

— Его величество герцог Алансонский причастен только к тому, что касается его лично; предложите ему разделаться с двумя старшими братьями, как с гугенотами, он согласится, но при условии, чтоб в это дело не путали его. А разве вы, мэтр Ла Юрьер, не собираетесь идти вместе с этими храбрыми людьми?

— А куда они идут?

— Да на улицу Монторгей; там живет один гугенотский сановник, мой знакомец, с ним жена и шестеро детей. Эти еретики ужасно плодовиты. Будет забавно!

— А сами вы куда идете?

— О! Я иду в особое местечко.

— Слушайте, возьмите меня с собой, — сказал кто-то за его спиной так неожиданно, что Морвель вздрогнул, — вы знаете хорошие места, а мне хочется туда попасть.

— А-а! Вот и наш пьемонтец! — воскликнул Морвель.

— Вот и месье Коконнас, — повторил Ла Юрьер. — А я думал, что вы идете вслед за мной.

— Черт! Вы улепетывали так, что не догонишь! А кроме того, я свернул с пути, чтобы швырнуть в реку негодного мальчишку, который кричал: «Долой папистов, да здравствует адмирал!» К сожалению, мне показалось, что мальчишка умеет плавать. Если хочешь утопить этих мерзких еретиков, надо бросать их в воду, как котят, — лишь только родились.

— Так вы говорите, что вы из Лувра? Что же, ваш гугенот нашел там себе убежище? — спросил Морвель.

— Увы, да!

— Я послал ему из пистолета пулю там, во дворе у адмирала, когда он подбирал свою шпагу, — но промахнулся, сам не знаю как.

— Ну, а я не промахнулся: я всадил ему в спину шпагу так, что конец ее оказался в крови на пять пальцев. При этом я сам видел, как он упал на руки королевы Маргариты. Красивая женщина, дьявольщина! Однако я бы был не прочь узнать наверно, что он умер. На мой взгляд, этот парень очень злопамятен и будет всю жизнь иметь зуб против меня... Да! Ведь вы сказали, что собираетесь идти куда-то?

— Вам, значит, хочется идти со мной?

— Мне хочется не стоять на месте. Я убил только трех или четырех; да и как только я успокаиваюсь, у меня начинает ныть плечо. Идем! Идем!

— Капитан, — обратился Морвель к начальнику отряда, — дайте мне трех человек, а с остальными ступайте отправлять на тот свет вашего сановника.

Трое швейцарцев вышли из рядов и присоединились к Морвелю. Оба отряда прошли вместе до улицы Тиршап; здесь солдаты легкой конницы и швейцарцы направились по переулку Тонельри, а Морвель, Коконнас, Ла Юрьер и три швейцарца пошли по переулку Феронри, затем по Трус-Ваш и уперлись в улицу Сент-Авуа.

— К какому дьяволу вы нас ведете? — спросил Коконнас, которому уж надоела долгая и праздная ходьба.

— Я вас веду на дело блестящее, да и полезное. После адмирала, Телиньи и гугенотских принцев я бы не мог вам предложить ничего лучшего. Наше место на улице Де-Шом, и через минуту мы там будем.

— Скажите, улица Де-Шом — это недалеко от Тампля? — спросил Коконнас.

— Да, а что?

— Там живет некий Ламбер Меркандон, давнишний заимодавец нашей семьи, и отец мой поручил мне вернуть ему сто ноблей, которые и лежат у меня в кармане.

— Ну вот вам прекрасный случай рассчитаться с ним, — заметил Морвель.

— Каким образом?

— Сегодня как раз такой день, когда сводят старые счеты. Ваш Меркандон — гугенот?

— Так, так! Понимаю. Он, наверно, гугенот.

— Тише! Мы пришли.

— А чей это большой особняк с выступом на улицу?

— Гиза.

— По правде говоря, мне надо было бы зайти сюда, поскольку я приехал в Париж благодаря великому Генриху. Дьявольщина! Однако в этом квартале все спокойно, сюда доносятся лишь звуки выстрелов; можно подумать, что здесь уже деревня. Все дрыхнут, черт подери!

В самом деле, даже в доме Гиза, казалось, было так же тихо, как обычно; все окна закрыты, и только сквозь жалюзи центрального окна пробивался свет, который привлек внимание Коконнаса, еще когда он выходил на эту улицу.

Пройдя немного дальше дома Гиза, до скрещения улиц Пти-Шантье и Катр-Фис, Морвель остановился.

— Вот здесь живет тот, кто нам нужен.

— То есть кто *вам* нужен... — заметил Ла Юрьер.

— Раз вы пошли со мной — то, значит, *нам*.

— Как же так? В этом доме все спят крепким сном...

— Верно! Вот вы, Ла Юрьер, и используйте вашу наружность порядочного человека, по ошибке данную вам Богом, и постучитесь в этот дом. Отдайте аркебузу месье Коконнасу, он уже давно косится на нее. Если вас пустят в дом, скажите, что вам надо поговорить с его милостью месье де Муи.

— Эге! Понимаю, — сказал Коконнас. — У вас, как видно, тоже оказался заимодавец в квартале Тампля.

— Верно, — ответил Морвель. — Так вы, Ла Юрьер, разыграйте из себя гугенота и расскажите де Муи о том, что происходит; он человек храбрый и сойдет вниз...

— А когда он сойдет, тогда?.. — спросил Ла Юрьер.

— Тогда я попрошу его скрестить со мной шпагу.

— Клянусь душой, вот это честно, по-дворянски! — сказал Коконнас. — И я думаю поступить точно так же с Ламбером Меркандоном; а если он слишком стар для поединка, я вызову кого-нибудь из его сыновей или племянников.

Ла Юрьер, не прекословя, начал стучать в дверь. На его стук, гулко раздавшийся в ночной тиши, в особняке Гиза приоткрылись входные двери, и оттуда высунулось несколько голов. Тогда только обнаружилось, что спокойствие особняка герцога Гиза было спокойствием крепости, охраняемой надежным гарнизоном.

Головы сейчас же спрятались — очевидно, догадавшись, в чем было дело.

— Ваш де Муи здесь и живет? — спросил Коконнас, указывая на дом, куда стучался Ла Юрьер.

— Нет, это дом его любовницы.

— Дьявольщина! До чего вы любезны по отношению к нему! Даете ему возможность показать себя своей красавице в поединке на шпагах! В таком случае мы будем только судьями. Хотя я лично предпочел бы драться сам, а то горит плечо.

— А лицо? — спросил Морвель. — Ему ведь тоже порядочно досталось!

Коконнас зарычал от злости.

— Дьявольщина! Надеюсь, что Ла Моль умер, — сказал он, — в противном случае я вернусь в Лувр, чтобы его прикончить.

Ла Юрьер продолжал стучать.

Наконец одно окно во втором этаже открылось, и на балконе появился какой-то мужчина в ночном колпаке, в кальсонах и без оружия.

— Кто там? — крикнул он.

Морвель сделал знак швейцарцам спрятаться за угол дома, а Коконнас прижался к стене.

— Ах, вы ли это, месье де Муи? — ласково спросил трактирщик.

— Да, я! Что дальше?

Морвель затрепетал от радости и прошептал:

— Да, это он.

— Месье де Муи, — продолжал Ла Юрьер, — неужели вы не знаете, что происходит? Зарезали адмирала, избивают наших духовных братьев. Бегите на помощь! Скорей, скорей!

— А-а! Я так и чувствовал — что-то затевают в эту ночь! Не надо было мне оставлять храбрых товарищей. Сейчас, мой друг! Подождите меня, я сейчас.

Муи, даже не затворив окна, откуда донеслись крики испуганной женщины и слова нежной мольбы, быстро надел колет, плащ и оружие.

— Он сходит вниз! Он сходит! — бормотал бледный от радости Морвель. — Гляди в оба! — шепнул он швейцарцам.

Потом он взял аркебузу из рук Коконнаса и подул на фитиль, пробуя, хорошо ли он горит.

— На, Ла Юрьер! — сказал он трактирщику, отошедшему к швейцарцам. — Бери свою аркебузу.

— Дьявольщина! — сказал Коконнас. — Вот и луна, как нарочно, вышла из-за тучи, чтобы присутствовать при таком прекрасном поединке. Дорого бы я дал за то, чтобы Ламбер Меркандон очутился здесь и был секундантом у месье де Муи.

— Погодите, погодите! — ответил Морвель. — Месье де Муи один стоит десятерых, и, пожалуй, нас шестерых не хватит, чтобы с ним справиться... Ну, вы! Подходите! — обратился он к швейцарцам, приказывая им знаками проскользнуть к самой двери и нанести удар, как только выйдет де Муи.

— Та-та-та! — произнес Коконнас, глядя на эти приготовления. — Похоже на то, что все произойдет не совсем так, как я предполагал.

Послышался лязг засова, который отодвигал де Муи. Швейцарцы вышли из своего прикрытия и заняли места у двери. Морвель и Ла Юрьер подошли на цыпочках, и только Коконнас, сохранивший остатки дворянской чести, не сдвинулся со своего места; но в это время молодая женщина, уже забытая убийцами, вышла на балкон и, увидев швейцарцев, Ла Юрьера и Морвеля, громко вскрикнула.

Де Муи, приотворивший было дверь, остановился.

— Назад! Назад! — кричала молодая женщина. — Я вижу, там сверкают шпаги и светится огонек на фитиле у аркебузы. Это ловушка!

— Ого! — прогремел голос молодого человека. — Посмотрим, в чем тут дело.

Он захлопнул дверь, задвинул засов, опустил щеколду и поднялся наверх.

Убедившись, что де Муи теперь не выйдет, Морвель изменил боевой порядок. Швейцарцы заняли позицию на другой стороне улицы, Ла Юрьер изготовился стрелять, как только враг покажется в окне. Ему не пришлось ждать долго. Де Муи вышел на балкон, вооруженный пистолетами такой почтенной длины, что Ла Юрьер, уже прицелившись в него, сразу сообразил, что гугенотские пули пролетят от балкона до улицы не дольше, чем его пуля от улицы до балкона. «Конечно, — сказал он про себя, — я могу убить этого дворянина, но и этот дворянин может убить меня». А так как мэтр Ла Юрьер по роду занятий был не солдатом, а трактирщиком, то эта мысль определила его решение отступить и поискать убежища за углом улицы Брак — на расстоянии, достаточно далеком, чтобы спокойно с известной точностью установить в этой темноте линию полета своей пули до Де Муи.

Де Муи быстро огляделся и двинулся вперед, «закрываясь», как в поединке; но, не видя противника, сказал:

— Эй, господин уведомитель! Вы, кажется, забыли вашу аркебузу у моей двери. Вот я, что вам угодно?

«Та-та-та! Да это в самом деле молодец», — подумал Коконнас.

— Ну, что же? — продолжал де Муи. — Кто бы вы ни были — враги или друзья, вы видите, я жду!